

Ирина Наумова

Скорая помощь для нашего Львёнка.
Простить (не)льзя казнить!

Ирина Наумова

Скорая помощь
для нашего Львёнка.
Простить (не)льзя
казнить!

Ирина Наумова

**Скорая помощь для
нашего Львёнка. Простить
(не)льзя казнить.**

«Литнет»

2026

Наумова И.

Скорая помощь для нашего Львёнка. Простить (не)льзя казнить. /
И. Наумова — «Литнет», 2026

— Вызов к ребёнку, десять лет, тяжелый приступ! — голос диспетчера бьет по нервам, но я привыкла. Я — врач детской реанимации, и мои чувства давно под замком. Но когда дверь обшарпанной квартиры открывает ОНА — моя бывшая свекровь, мир рушится. — Доктор, спасите внука! — умоляет женщина, не узнавая во мне ту, которую одиннадцать лет назад вышвырнула из дома без гроша в кармане. Я прохожу к мальчику и замираю. На плече — то самое родимое пятно. В глазах — моя собственная боль. Ему десять лет. Ровно столько же было бы моему сыну, который, как мне сказали в роддоме, родился мертвым. А потом в квартиру вваливается ОН. Семён. Мой бывший муж. Когда-то всемогущий миллионер, а теперь — опустившийся человек, готовый зубами грызть за этого ребенка. Я приехала спасти пациента, а нашла свою украденную жизнь. Семён скрывает страшную тайну. Он боится меня. Он знает: если я узнаю правду, я заберу у него единственное, ради чего он еще дышит. В книге вас ждут: #Скрытый_ребенок (который всё это время был рядом) #Бывшие (от ненависти до... искупления) #Встреча_спустя_годы (он упал с олимпа, она стала стальной) #Сильная_героиня (врач, спасающая жизни) #Очень_эмоционально (на разрыв аорты) #Хэппи_Энд (выстраданный и обязательный)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4(Семен)	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	31
Глава 9	37
Глава10	41
Глава11	46
Глава12	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 1

Оранжевый чемодан с медикаментами привычно оттягивал плечо, натирая кожу через плотную ткань форменной куртки. Я смотрела, как в пластиковом стаканчике подрагивает недопитый кофе — мутная, горькая жижа, которую в нашей ординаторской почему-то называли бодрящим напитком. Пять лет на детской «скорой» научили меня двум вещам: не верить тишине и пить кофе залпом, пока он еще горячий.

— Новикова, твой выход! — Диспетчер Марина высунулась из окошка, поправляя гарнитуру. — Восьмая бригада, на выезд. Педиатрический. Мальчик, десять лет, подозрение на отек Квинке. Мать в истерике, толком ничего не объяснила, кричит, что он синееет.

Я залпом допила остатки кофе, поморщилась от жженого привкуса и подхватила чемодан.

— Принято, — коротко бросила я.

Артем, мой бессменный фельдшер, уже ждал у машины. Он был моложе меня на десять лет, вечно бодрый, несмотря на бессонные смены, и обладал редким талантом — умел молчать, когда это было нужно. Он открыл заднюю дверь «Газели», запрыгнул внутрь и проверил баллоны с кислородом.

Город за окном скорой тонул в ноябрьской сырости. Серое небо давило на крыши, асфальт блестел от мелкого, противного дождя, который в нашем регионе не прекращался неделями. Проблесковые маячки разрезали этот сумрак ядовито-синими вспышками, отражаясь в окнах проезжающих машин.

— Адрес какой? — спросил Артем, натягивая перчатки.

— Улица Строителей, дом двенадцать, — ответила я, глядя в планшет.

У меня внутри что-то мелко задрожало. Строителей... Смешное совпадение. Мой бывший муж, Семен Зотов, строил этот город. Он обожал размах, панорамное остекление, дорогую отделку. Мы жили в пентхаусе, где один только вид из окна стоил больше, чем эта «скорая». А теперь я еду в один из тех районов, которые Семен пренебрежительно называл «человеиниками для неудачников».

Машина резко затормозила у обшарпанной пятиэтажки. Типичная хрущевка, выкрашенная в унылый желтый цвет, который от сырости стал грязно-бурым. Подъезд встретил нас запахом мокрой бетонной пыли и старых подвалов.

— Лифта нет, четвертый этаж, — Артем подхватил дефибриллятор.

Мы поднимались быстро, перепрыгивая через ступеньки. Ступенчатые марши были узкими, перила — липкими. На третьем этаже я почувствовала, как легкие обжигает холодным воздухом. Пять лет назад я бы не поверила, что буду бегать по таким лестницам. В той, прошлой жизни, я носила туфли на шпильках и шелковые платья, а моим единственным физическим упражнением был пилатес в элитном клубе.

Дверь сорок восьмой квартиры была приоткрыта. Изнутри доносился сдавленный, хриплый свист — так звучит смерть, когда она пытается пролезть через суженную гортань ребенка.

Я влетела в прихожую первой.

— Скорая! Где ребенок?

Из глубины коридора к нам бросилась женщина. На ней был накинут какой-то бесформенный, выцветший халат, волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Но когда она подняла голову, время для меня просто остановилось.

Алла Петровна.

Моя бывшая свекровь. Женщина, которая когда-то была эталоном холености и заносчивости. Она всегда пахла «Шанелью» и надменно поджимала губы, глядя на мои попытки уго-

дить её «великому» сыну. Теперь же передо мной стояла старуха. Лицо превратилось в измятый пергамент, под глазами залегли тяжелые тени.

Она схватила меня за локоть. Руки у неё были ледяные, а на запястье я заметила массивные золотые часы Rolex — они смотрелись на фоне её засаленного халата как нелепая эпифансия их былому богатству.

— Доктор... Скорее... Он умирает, — прохрипела она, не глядя мне в лицо.

Она не узнала меня. Конечно. Одиннадцать лет назад я была двадцатичетырехлетней девочкой с широко открытыми глазами, вечно испуганной её авторитетом. Сейчас на неё смотрела тридцатипятилетняя женщина с жестким взглядом, в синей форменной куртке и с волосами, собранными в тугую, безжалостную пучок.

— Ведите, — отрезала я, вырывая руку.

Мы прошли в комнату. Это была тесная «зала», где каждый сантиметр пространства был забит вещами. Огромный антикварный шкаф из темного дерева, который явно не подходил по размеру этой конуре, занимал всю стену. В углу на низком диване лежал мальчик.

— Лев! Лёвушка, подыши, маленький! — Алла Петровна запричитала, падая на колени у дивана.

Ребенок был плох. Кожа приобрела синюшный оттенок, губы раздулись, превратившись в бесформенные валики, веки отекали так, что глаз почти не было видно. Он хватал ртом воздух, издавая тот самый свистящий звук — стридор.

— Артем, преднизолон — две ампулы внутримышечно, адреналин — готовь ингаляцию и кубик в шприц, на всякий случай, — я уже была рядом с мальчиком.

Я расстегнула ворот его пижамы. Руки действовали на автомате, пока мозг лихорадочно фиксировал детали. Десять лет. Мальчику около десяти. Генетика — штука жестокая. Даже сквозь страшный отек я видела знакомые черты. Прямой, чуть капризный нос, линия подбородка...

Это был сын Семена. Тот самый ребенок, которого Эльвира, его финансовый директор, видимо «подарила» ему сразу после того, как меня вышвырнули на улицу. Мой ребенок в то время уже лежал в холодной земле, а этот... этот жил. Дышал. А теперь перестал.

— Давление? — бросила я Артему.

— Девяносто на шестьдесят, падает, — Артем быстро ввел иглу в плечо мальчика.

— Лёва, слушай меня, — я наклонилась к самому уху ребенка, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально спокойно и властно. — Сейчас будет укол, станет легче. Дыши через нос, старайся не паниковать. Я здесь.

Мальчик попытался схватить меня за руку. Его пальцы были горячими и влажными. В этот момент мне стало физически больно. Не от жалости к сыну врага, а от несправедливости мироздания. Почему я спасаю его? Почему я, та, которую они растоптали, должна возвращать жизнь их продолжению?

— Отек уходит медленно, — я проверила пульс. — Готовь носилки, Артем. Будем госпитализировать. Тут нужен стационар и нормальное наблюдение, может быть повторная волна.

Я поднялась и на мгновение обернулась, чтобы найти место, где можно заполнить карту. Мой взгляд упал на массивный дубовый стол, заваленный какими-то бумагами. Среди квитанций и упаковок от дешевых таблеток стояла фотография в серебряной рамке.

С фото на меня смотрела Эльвира. Она почти не изменилась — всё та же хищная улыбка, безупречная укладка. Она обнимала Семена. Он выглядел старше, в уголках глаз появились морщины, но этот взгляд... взгляд человека, который уверен, что весь мир принадлежит ему по праву рождения. На заднем плане виднелся какой-то загородный клуб. Они выглядели счастливыми. Успешными.

А потом я посмотрела вокруг. Обои, отходящие от стен. Запах застарелого жира из кухни. Старая свекровь в халате. Что-то здесь не сходилось. Семен Зотов не мог жить в такой дыре. Не мог позволить своей матери ютиться в хрущевке. Если только...

— Доктор, вы ведь его вылечите? — Алла Петровна стояла рядом, заламывая руки. — Мы всё оплатим... Семен придет, он решит... У него просто сейчас трудности, временные...

Я посмотрела на неё, и мне стало почти смешно. «Трудности». Король строительного рынка оказался в хрущевке.

— Носилки готовы, — Артем зашел в комнату. — Фим, пора.

Мы быстро переложили мальчика. Он был легким, почти невесомым. Я старалась не смотреть на семейное фото. Оно жгло мне спину.

В прихожей Артем замешкался, пропуская меня вперед. Алла Петровна суежилась, пытаясь найти какие-то вещи мальчика, совала нам пакет с одеждой.

— Я поеду с вами! Я не могу его оставить! — кричала она.

— Мест в машине нет, — отрезала я. — Езжайте следом на такси. Первая детская, отделение токсикологии.

Я уже выходила на лестничную площадку, когда снизу донесся тяжелый, неровный топот. Кто-то поднимался, громко ругаясь и задевая плечами стены.

— Мать! Дверь открой! — Голос был хриплым, прокуренным и пугающе знакомым.

Я замерла на верхней ступеньке, сжимая поручень носилок так, что побелели костяшки. Алла Петровна охнула и бросилась к дверному проему.

— Сенечка! Тише ты, тут врачи! Лёве плохо!

Из темноты лестничного пролета вывалился мужчина. На нем была дорогая, но сильно помятая куртка, от него за версту несло перегаром и дешевым табаком. Он покачнулся, ухватившись за косяк.

Семен.

Мой бывший муж. Человек, который когда-то был моим богом, а потом стал моим палачом. Он поднял голову, и наши взгляды встретились. Его глаза были красными, затуманенными алкоголем, но в них всё еще теплился тот самый огонь, который когда-то выжег мою душу дотла.

Он не узнал меня сразу. Просто увидел женщину в форме, загораживающую проход.

— Какого хрена... — пробормотал он, пытаясь сфокусировать взгляд. — Куда вы его тащите? Мать, я тебя спрашиваю!

— Семен, тише, он не дышал! Доктор его спасла! — Алла Петровна суежилась вокруг него, как испуганная птица.

Я стояла неподвижно, чувствуя, как внутри меня медленно, слой за слоем, осыпается лед, накопленный годами. В этой тесной, вонючей прихожей хрущевки, спустя одиннадцать лет, круг замкнулся.

— В сторону, — голос мой прозвучал сухо и бесстрастно, хотя сердце, казалось, сейчас проломит ребра. — Мы забираем ребенка в больницу. Артем, пошли.

Я шагнула вперед, вынуждая Семена отступить. Он дернулся, хотел что-то сказать, но я прошла мимо, обдав его запахом антисептика и холода.

Мы начали спускаться. Я слышала, как наверху Алла Петровна что-то быстро и испуганно лепечет, и как Семен глухо рычит ей в ответ.

— Фим, ты чего? Знакомые, что ли? — тихо спросил Артем, когда мы загрузили носилки в машину. — На тебе лица нет.

Я не ответила. Я села в кабину рядом с водителем и уставилась в лобовое стекло, по которому медленно ползли капли дождя.

Я спасла его сына. Сына человека, который лишил меня моего. И я знала — это только начало. Потому что в этом ребенке текла кровь Зотова. И эта кровь сейчас была моей единственной зацепкой к правде, которую от меня скрывали одиннадцать долгих лет.

— Поехали, — сказала я водителю. — Сирену не включай. Он стабилен.

Машина медленно тронулась, оставляя позади желтую хрущевку, в которой доживали свой век призраки моей прошлой жизни. Я закрыла глаза и впервые за много лет позволила себе вспомнить. Не боль, не измену, а тот день, когда врач в роддоме сказал мне: «Мне жаль, Серафима. Ваш мальчик не выжил».

Интересно, Эльвира, а что скажешь ты, когда узнаешь, в чьих руках теперь жизнь твоего Льва?

Глава 2

В десантном отсеке «Газели» пахло старым железом, влажной резиной и тем специфическим, остро-сладким ароматом лекарств, который въедается в кожу врачей скорой за годы смен. Синие сполохи маячков, хоть я и просила их не включать, продолжали вяло отражаться в стеклах шкафов с медикаментами — водитель забыл щелкнуть тумблером, а мне было не до него.

Я сидела на складном кресле, вцепившись пальцами в край носилок. Лев спал под действием препаратов, но его дыхание всё еще было тяжелым, с натужным свистом на выдохе. В тусклом свете желтого плафона он казался совсем прозрачным. Я смотрела на его веки, сквозь которые просвечивали тонкие синие жилки, и чувствовала, как внутри меня медленно ворочается что-то холодное и острое.

Его рука — узкая ладонь с длинными пальцами — соскользнула с края одеяла. По правилам, я должна была просто поправить её. Но я сделала больше. Я накрыла его ладонь своей.

У него была горячая кожа. Почти такая же, как у Семена, когда мы только познакомились. У Зотова всегда горели руки, будто внутри него постоянно работал какой-то мощный двигатель. Я закрыла глаза, и на мгновение мне показалось, что я снова там, одиннадцать лет назад, в нашей огромной квартире, и под моими пальцами бьется пульс человека, которого я считала своей судьбой.

Лев вдруг дернулся во сне. Его нижняя губа мелко задрожала, он закусил её с левой стороны, и этот жест... Господи, этот жест ударил меня наотмашь. Я сама так делала всю жизнь. Когда нервничала, когда ждала результатов экзаменов, когда слушала приговор мужа о моей «измене». Это была моя личная, дурацкая привычка.

— Фим, ты как? — Голос Артема, донесшийся из кабины через перегородку, заставил меня вздрогнуть. — Скоро будем. На кольцо пробка, но мы срезали через дворы.

— Нормально, — выдохнула я, поспешно убирая руку от ребенка. — Давление стабильное. Сатурация девяносто пять. Довезем.

— Ты бледная, как этот пацан, — Артем приоткрыл окошко, заглядывая назад. — Слушай, если это из-за того алкаша в подъезде... Забей. Мало ли неадекватов на вызовах. Он просто перепил с горя.

— Это не просто алкаш, Тем, — прошептала я так тихо, что он не услышал за шумом двигателя.

Машина резко затормозила у пандуса Первой детской больницы. Здесь всё было другим. Стерильная белизна, яркие прожекторы, от которых резало глаза после полумрака хрущевки, и деловитая суета приемного покоя.

— Принимай, Костин! — крикнул Артем, когда мы выкатили носилки на кафедру.

Дежурный реаниматолог Костин — сухой мужчина с лицом, похожим на сморщенное яблоко, и глазами, в которых за тридцать лет стажа не осталось ничего, кроме цинизма — подошел к нам, лениво потирая переносицу.

— Что тут? Опять мандарины в ноябре? — проворчал он, заглядывая Льву в лицо.

— Отек Квинке, тяжелое течение, — я начала быстро диктовать анамнез, пока медсестры перекладывали мальчика на каталку. — Купировали преднизолоном и адреналином. Аллерген не выявлен, но реакция была молниеносной. Посмотри его внимательно, Виктор Сергеевич. У него странная динамика — отек уходил рывками.

Костин вдруг перестал жевать губу и внимательно посмотрел на меня.

— Странная динамика, говоришь? Ладно, Новикова, разберемся. Везите во второй бокс! И карту мне на стол.

Я не уходила. Я стояла у стойки регистрации, чувствуя себя лишней в этой отлаженной машине стационара. Артем уже ушел на улицу покурить, а я всё медлила, перебирая в руках бумаги. В графе «Мать» аккуратным почерком регистратора было вписано: Зотова Эльвира Викторовна. И номер телефона, который я знала наизусть. Номер, на который я звонила десять лет назад, пытаясь оправдаться, пока она не заблокировала меня навсегда.

— Доктор, вы что-то забыли? — Медсестра на посту, молоденькая девушка с толстой косой, вопросительно приподняла бровь.

— Нет, я... — я замолчала, потому что автоматические двери приемного покоя с грохотом разъехались в стороны.

В тишину стерильного зала ворвался шум. Громкие, неровные шаги, звук падающего металлического стула и надрывный голос Аллы Петровны:

— Сенечка, не надо так, тебя выведут! Подожди здесь!

Я замерла в тени высокого информационного стенда.

Семен Зотов ворвался в приемный покой как раненый зверь. Холодный воздух улицы, казалось, немного привел его в чувство, но от этого его агрессия стала только острее. Куртка расстегнута, на белой рубашке — темные пятна дождя и бурые мазки крови на манжете. Он выглядел как человек, чей мир только что взорвался, и он ищет, кого бы обвинить в этом взрыве.

— Где врач?! — заорал он, не глядя по сторонам. — Где этот парень, который забрал моего сына? Мне нужен главный! Я всё оплачу, слышите? Мне плевать, сколько это стоит!

Алла Петровна семенила за ним, хватая за локоть. Она выглядела жалко — старая, испуганная женщина в дорогой шали, которая больше не могла ни на что повлиять.

— Сеня, тише, это же больница... — лепетала она.

— Да мне плевать! — Он ударил кулаком по пластиковой стойке регистратуры. — Они увезли его! Они даже не сказали, что с ним!

Я смотрела на него из своего укрытия и не узнавала. Где тот уверенный в себе мужчина, который одним взглядом заставлял подчиненных трепетать? Где тот человек, который всегда держал лицо? Сейчас передо мной был обломок. Красивый, мощный, но совершенно бесполезный обломок былого величия. Его лицо осунулось, в густых волосах пробились заметная седина, а в зрачках плескалось такое отчаяние, что мне на секунду стало страшно.

— Сеня... Сеня, посмотри! — Алла Петровна вдруг замерла, её взгляд метнулся в мою сторону. — Вот она! Эта женщина... Доктор!

Семен резко, всем телом развернулся к стенду.

Я поняла, что прятаться больше нет смысла. Я вышла из тени под яркий, безжалостный свет люминесцентных ламп.

Расстояние между нами было не больше трех метров. Но в этот момент мне показалось, что нас разделяет пропасть длиной в одиннадцать лет и глубиной в одну маленькую детскую могилу.

Семен замер. Его грудь тяжело вздымалась, кулаки были сжаты. Он смотрел на меня, и я видела, как в его глазах происходит мучительная работа памяти. Сначала — гневное недоумение. Потом — легкое замешательство. И, наконец, шок. Кровь отхлынула от его лица, сделав его почти серым.

— Сима? — Его голос прозвучал так тихо, что я скорее прочитала это имя по его губам, чем услышала.

Я выпрямила спину. Моя форма, эта жесткая синяя ткань, сейчас казалась мне рыцарскими доспехами. Я была на своей территории. Я была врачом, спасшим его ребенка, а он... он был просто человеком, который когда-то не поверил мне.

— Серафима Владимировна, — поправила я ледяным тоном. — Доктор Новикова.

Он сделал шаг ко мне, пошатнулся, и Алла Петровна подхватила его под руку. В его глазах отразилась такая мешанина боли, ярости и неверия, что воздух между нами, казалось, затрещал от напряжения.

— Ты... — Он выдохнул это слово как проклятие. — Откуда ты взялась на мою голову? Спусти столько лет... Почему именно ты?

— Видимо, у судьбы специфическое чувство юмора, Семен, — я смотрела прямо в его глаза, не позволяя себе моргнуть. — Если бы не я, твой сын не доехал бы до этой больницы. Так что поумерь свой тон. Здесь тебе не стройплощадка, и твои деньги здесь не ускорят работу лекарств.

Его лицо исказилось. Он хотел что-то сказать, сделать шаг ко мне, выплеснуть ту ненависть, которую он, очевидно, лелеял все эти годы, но его прервали.

— Новикова! — Из коридора высунулась медсестра регистратуры, та самая, с косой. — Ты карту Льва Зотова не забрала? Подойди сюда.

Я повернулась, радуясь возможности прервать этот удушающий контакт глазами. Семен тоже дернулся на имя сына.

— Что там? — спросила я, подходя к стойке.

Медсестра протянула мне распечатку первых экспресс-анализов, которые только что пришли из лаборатории. Её лицо было озадаченным.

— Посмотри на группу крови. Ты в карте написала «вторая положительная», как мать сказала. А лаборатория выдает четвертую. Причем дважды перепроверили — всё чисто. Ошибки быть не может.

Я замерла, глядя на листок. Четвертая группа крови.

В голове мгновенно всплыла таблица наследования, которую я знала как «Отче наш». У Семена вторая. Я это помнила точно — мы когда-то сдавали кровь вместе. Если у отца вторая, а у ребенка четвертая...

Мой мозг начал лихорадочно выстраивать комбинации. Четвертая группа — редчайшая. Чтобы у ребенка с отцом второй группы родилась четвертая, у матери *обязательно* должна быть третья или четвертая.

А у Эльвиры...

Я вспомнила те дни, когда она только пришла в фирму Семена. Она проходила какой-то чекап для страховки, и я видела её документы. У неё была первая группа. Самая обычная, первая положительная.

Я почувствовала, как пол уходит у меня из-под ног. Ребенок со второй группой у отца и первой у матери *никогда*, ни при каких обстоятельствах не может иметь четвертую группу крови. Это биологический закон. Это невозможно. Если только...

— Серафима? Что там? — Голос Семена за моей спиной звучал хрипло и подозрительно. Он почувствовал мою перемену в лице.

Я медленно повернулась к нему, сжимая в руках листок с анализом.

— Ничего, Семен, а какая группа крови у матери ребенка? Это очень важно... для лечения. — вдруг неожиданно для себя спросила я, и мой голос почему-то стал пугающе спокойным.

— Первая группа, а что случилось, Сима? Что то серьезное?

— Просто медицинские формальности. Твой сын в надежных руках. Иди домой.

Я видела, что он не верит ни одному моему слову. Он смотрел на меня так, будто пытался заглянуть мне в черепную коробку. А я в этот момент думала только об одном: если Лев — не сын Эльвиры, то чей он? И почему его рождение так странно совпало с той ночью, когда мне сказали, что мой мальчик умер?

— Новикова, ты идешь? Нас диспетчер запрашивает! — Артем появился в дверях, махая мне рукой.

— Иду, — бросила я и, не оглядываясь, пошла к выходу.

Я знала, что Семен смотрит мне в спину. Я чувствовала его взгляд всем телом. Но сейчас мне было не до него. В моих руках был ключ от тайны, которая могла разрушить всё, что он строил последние десять лет. И я не собиралась его выбрасывать.

Выйдя в холодный ноябрьский дождь, я глубоко вдохнула.

— Ну что там, Фим? — спросил Артем, заводя машину. — Чего ты зависла у регистрации?

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали.

— Слишком много совпадений, Тем, — ответила я. — Слишком много для одной ночи.

Машина скорой дернулась и поехала прочь от больницы, но я знала: я вернусь сюда завтра. И послезавтра. Пока не узнаю, чья кровь на самом деле течет в жилах мальчика, которого я только что спасла.

Глава 3

Дождь, начавшийся еще ночью, к утру превратился в ледяную крупу. Я вышла из здания подстанции скорой помощи, шурясь от серого, болезненного света. Смена закончилась два часа назад, но я всё еще чувствовала на плечах тяжесть форменной куртки, хотя давно переделалась в свое старое пальто.

В кармане лежала сложенная вчетверо распечатка экспресс-анализа Льва Зотова. Четвертая группа. Эти цифры жгли мне бедро сквозь ткань, как раскаленное клеймо.

Дома я не смогла уснуть. Стоило закрыть глаза, как я видела бледное лицо мальчика, его синеватые губы и то, как он прикусывал губу во сне — совсем как я. А потом появлялось лицо Семена. Опухшее, злое, пахнущее перегаром и крахом.

Я приняла душ, пытаюсь смыть запах больницы и чужого горя, выпила три чашки крепкого чая и поняла: если я сейчас не вернусь в Первую детскую, я просто сойду с ума. Мне нужно было увидеть Льва. Проверить его карту. Убедиться, что мне не причудилось.

Дневная больница встретила меня привычным гулом. Здесь не было ночной тишины, прерываемой только сиренами. Здесь была суeta: родители с пакетами, бегающие дети, строгие медсестры с лотками лекарств. Я накинула белый халат, который всегда возила в сумке — универсальный пропуск в любой мир стерильности.

В отделении токсикологии было относительно спокойно. Я подошла к посту, кивнула дежурной медсестре — на этот раз там была пожилая Валентина Ивановна, которая знала меня еще студенткой.

— Сима? Ты чего в свой выходной? — удивилась она, поправляя очки.

— Да вот, мальчика ночью привезли, Зотов Лев. Тяжелый был Квинке. Переживаю, как он там.

— А, наследник-то... — Валентина Ивановна помрачнела. — В десятой палате он. Стабилен, спит в основном. Отец его там с утра ошивается. Трезвый уже, злой как черт. Всё врачей донимает, почему его в одностую не переводят.

— В одностую? — я невольно усмехнулась. — В государственном стационаре при переполненном отделении? Оптимизм у него не отнять.

Я направилась к десятой палате, стараясь шагать бесшумно. Но Семена я увидела раньше, чем дошла до двери.

Он стоял у окна в конце коридора. Сегодня он выглядел иначе. Видимо, заехал домой — чистая рубашка, хоть и не из самых дорогих коллекций, свежевыбритое лицо, уложенные волосы. Но это не могло скрыть печать изношенности. Кожа была сероватой, под глазами залегли темные тени, а руки, сжимавшие подоконник, всё еще мелко подрагивали.

Он почувствовал мое приближение. Обернулся резко, всем телом, словно ждал удара в спину. Его взгляд, теперь чистый и пугающе трезвый, вонзился в меня с такой силой, что я едва не запнулась.

— Новикова, — голос его был низким, хриплым, лишенным той пьяной развязности, что была ночью. — Я так и знал, что ты придешь.

— Я здесь по работе, Зотов, — я остановилась в двух шагах, скрестив руки на груди. — Пришла проверить состояние пациента, которого вчера вытащила с того света. Это называется врачебная этика. Тебе, вероятно, незнакомое понятие.

Семен криво усмехнулся. В этой ухмылке проглянуло его бывшее величие — та самая надменность человека, который привык покупать и продавать всё, что видит.

— Этика? — Он сделал шаг ко мне. — Ты всегда была плохой актрисой, Сима. Ты пришла позлорадствовать. Посмотреть, до чего я докатился? Полюбоваться на хрущевку и мои «трудности»? Ну давай, высказывай всё. Можешь даже плюнуть, если полегчает.

— Ты слишком много о себе думаешь, Семен. Мне наплевать на твои финансы. Меня волнует только ребенок. К счастью, Лев не виноват в том, что его отец — неудачник, возмнивший себя богом.

Его лицо потемнело. Он рванулся ко мне, сокращая дистанцию до опасного предела. Я почувствовала запах его дорогого одеколona — видимо, из тех запасов, что еще остались от «золотого века».

— Неудачник? — прошипел он. — Я поднялся с нуля, когда ты еще в куклы играла. И я поднимусь снова. А ты как была нищей выскочкой, так ею и осталась. Пять лет в этой синей робе? Это твой предел? Ты ведь всегда была... ограниченной. Помнишь, что я сказал тебе тогда? Ты — пустоцвет. Красивая обертка, внутри которой ничего нет.

Я почувствовала, как по позвоночнику пробежал холод. Он бил прицельно. По самому больному. По той самой ране, которая так и не затянулась за одиннадцать лет.

— У меня есть семья, Сима, — продолжал он, и его голос наполнился торжествующей горечью. — У меня есть сын. Продолжение моей крови. Мой наследник. Эльвира дала мне то, на что ты оказалась неспособна. Она родила мне Льва, а ты... Ты даже сорняк вырастить не смогла. Я правильно сделал, что выгнал тебя. Ты ведь пустая. Бракованная женщина.

Я задохнулась. Мир вокруг на секунду стал черно-белым. Я видела его шевелящиеся губы, его гневный прищур, и в этот момент во мне что-то лопнуло. Годы сдержанности, профессиональной маскировки, холодного безразличия — всё разлетелось вдребезги.

Я сделала шаг вперед, почти вплотную к нему, и Семен невольно отшатнулся от того безумного огня, который, должно быть, вспыхнул в моих глазах.

— Бракованная? — голос мой был тихим, но в нем вибрировала такая мощь, что в коридоре, казалось, задрожали стекла. — Ты назвал меня бракованной, Зотов?

Я схватила его за лацканы рубашки. Артем или медсестры могли увидеть это, мне было плевать.

— Ты выставил меня за дверь под дождем, Семен. Ты бросил мне в лицо те фальшивые снимки и не захотел слушать ни единого слова! Ты заблокировал мой телефон, ты приказал охране не пускать меня даже на порог офиса!

Семен молчал, глядя на меня с каким-то ошалелым ужасом. Его трезвость сейчас играла против него — он чувствовал каждое мое слово как удар хлыста.

— Я была беременна, Семен! — Я почти выплюнула эти слова ему в лицо. — Пять недель! Наш ребенок, Зотов! Тот самый, которого ты так ждал, пока не поверил в грязную ложь своей секретарши!

Его руки, висевшие вдоль тела, судорожно сжались.

— Что ты несешь... — пробормотал он. — Какая беременность... Ты врешь! Эльвира сказала, что ты ходила к врачу, чтобы...

— Эльвира врала тебе каждую секунду! — я встряхнула его так, что его голова мотнулась. — Я узнала об этом через неделю после того, как ушла от тебя. Я жила на вокзале, Семен! Я спала на казенных койках в ночлежках, потому что у меня не было ни копейки! И я пыталась тебе сказать. Я писала письма, я караулила тебя у подъезда, но ты проезжал мимо на своем «Мерседесе», даже не глядя в мою сторону!

Я отпустила его рубашку, и он пошатнулся, опершись спиной о стену. Его лицо стало белым, как больничная простыня.

— А потом был стресс, — я продолжала, и слезы, которые я не позволяла себе годами, наконец обожгли глаза. — Больница. Кровь на кафеле. И тишина. Знаешь, какая страшная тишина в родзале, когда ребенок не кричит? Я родила мальчика, Семен. Мертвого мальчика. Твоего сына! И пока ты праздновал свою «новую жизнь» с Эльвирой, я хоронила наш плод в общей могиле для безымянных, потому что у меня не было денег даже на крошечный гроб!

Семен медленно осел на банкетку, закрыв лицо руками. Его плечи задрожали. Это был не плач — это был сухой, ломающий звук, будто внутри него рушились кости.

— Нет... нет... — донеслось из-под его ладоней.

— Да! — Я вытерла щеки тыльной стороной руки. — Так что не смей говорить мне про пустоцвет. Ты сам убил своего первенца своей слепотой. А теперь ты трясешься над Львом, считая его своей единственной кровью...

Я запнулась. Слова о группе крови едва не сорвались с языка, но я вовремя прикусила губу. Рано. Сейчас он просто раздавлен, но если я выложу этот козырь сейчас, я потеряю преимущество. Мне нужно знать больше. Мне нужно знать все наверняка..

— Уходи, Семен, — сказала я, восстанавливая дыхание. — Иди к своему сыну. Наслаждайся своим «наследством». Но никогда, слышишь, никогда больше не смей открывать свой рот в мою сторону. Для тебя я — доктор Новикова. Женщина, которая вернула твоему ребенку дыхание, которое ты когда-то отобрал у моего.

Я развернулась и пошла прочь по коридору. Мои каблуки гулко стучали по линолеуму, отсчитывая секунды моей маленькой, горькой победы.

Я не видела, как Семен поднял голову. Не видела его взгляда, в котором теперь мешались ужас, раскаяние и рождающееся подозрение. Я просто шла вперед.

В кармане халата я сжимала кулак.

Четвертая группа крови. У Семена вторая. У Эльвиры первая.

«Кто же ты на самом деле, Лев Зотов?» — билась в моей голове единственная мысль. И я знала, что не успокоюсь, пока не получу ответ. Даже если этот ответ сожжет дотла то небольшое, что осталось от моей жизни.

Выйдя на крыльцо, я подставила лицо холодному дождю. Артем ждал меня внизу у машины — он привез новую смену и теперь собирался домой.

— Фим! — крикнул он, завидев меня. — Ты как? Посмотрела пацана?

Я посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Они были твердыми, как скальпель хирурга перед первым надрезом.

— Да, Тем. Посмотрела.

— И как он?

Я посмотрела на серые окна больницы, за которыми скрывалась тайна моего прошлого.

— Он выживет, Артем. А вот правда... боюсь, правда убьет здесь всех.

Я села в машину, и мы тронулись. В зеркале заднего вида я видела, как фигура Семена вышла на крыльцо больницы. Он стоял под дождем, без куртки, просто в рубашке, и смотрел нам вслед. Он выглядел так, будто его только что вышвырнули из рая. Но я знала — его личный ад только начинается. И я буду той, кто подбросит в него дров.

Глава 4(Семен)

(от лица Семена)

Дождь колотил по крыльцу больницы с остервенением, словно пытался вымыть из меня остатки похмельного дурмана. Рубашка прилипла к лопаткам холодным саваном, но я не двигался. Просто стоял и смотрел туда, где в серой хмари растворились габаритные огни машины скорой помощи.

«Я родила мальчика, Семен. Твоего сына. И пока ты праздновал свою новую жизнь, я хоронила наш плод в общей могиле...»

Голос Серафимы все еще гремел в моих ушах, перекрывая шум города. Она не кричала. Она шептала, и этот шепот резал глубже любого скальпеля.

Я затаился сигаретой, которую нашел в кармане куртки. Пальцы мелко дрожали, и я сжал их в кулак так, что костяшки побелели. Боль в суставах была единственным, что удерживало меня в реальности.

Она не могла врать. Только не так. Не с таким лицом. У Серафимы всегда были глаза, которые выдавали ее раньше, чем она успевала открыть рот. Раньше они светились, когда я входил в комнату. Сегодня в них был только пепел. И лед.

Я медленно спустился по ступеням. Каждая лужа под ногами казалась бездонной пропастью. Одиннадцать лет. Одиннадцать лет я жил с убеждением, что она — предательница. Что она променяла меня, мою любовь, нашу империю на какую-то случайную интрижку.

Я вспомнил тот день. Офис на сороковом этаже. Запах дорогой кожи, свежей полиграфии и элитного кофе. Я был королем. Зотов, который строит будущее.

Эльвира вошла тихо. Она всегда умела входить так, будто приносила не бумаги, а само спасение.

— Семен, мне жаль... я долго сомневалась, стоит ли... — Ее голос был мягким, как бархат.

Она положила на мой стол конверт. Зернистые снимки. Серафима у отеля. Серафима садится в чужую машину. Ее улыбка — та самая, которую я считал своей собственностью.

Я не стал проверять. Я не стал спрашивать. Успех сделал меня убудком, уверенным, что мир вращается вокруг моей задницы. Если кто-то посмел пошатнуть мой трон — он должен быть уничтожен.

Я вышвырнул ее. Помню, как она стояла в дверях нашего пентхауса, прижимая к груди тонкое пальтишко. Помню, как она пыталась что-то сказать, а я просто захлопнул дверь. Я даже не дал ей собрать вещи. Мне казалось это красивым жестом — жестом сильного мужчины.

Какой же я был идиот.

Я шел по тротуару, не разбирая дороги. Вода заливалась в ботинки, но мне было плевать. Перед глазами стоял Лев. Мой сын. Мой наследник, как я привык думать.

Лев... Он совсем другой. Тихий, вдумчивый. В нем нет моей бешеной энергии, нет этой хищной хватки, которая была у меня до того, как я начал топить свою жизнь в бутылке. И в нем нет ничего от Эльвиры. Вообще ничего.

Эльвира забеременела удивительно вовремя. Спустя пару месяцев после того, как я выгнал Симу. Тогда это стало для меня спасением. Доказательством того, что я прав, что жизнь продолжается, что я могу начать всё с чистого листа.

— Ты мой герой, Сеня, — шептала она мне по ночам, когда я уже начал терять хватку.

Она помогала мне вести дела. Она была рядом, когда стройки начали замораживаться, когда партнеры начали уходить. Она сочувственно кивала, когда я подписывал доверенности на управление активами, пока сам уходил в очередной запой от «усталости».

И вот результат. Я — в хрущевке матери. Моя империя — у нее. Эльвира теперь «бизнес-леди года», владелица крупнейшего холдинга, который когда-то назывался моим именем. А Лев... Лев живет со мной и бабушкой, потому что Эльвире «нужно строить карьеру и обеспечивать его будущее».

Я остановился у витрины закрытого магазина и посмотрел на свое отражение. Грязная куртка, щетина, потухший взгляд. Монстр. Я сам превратил себя в это ничтожество.

Слова Симы о мертвом ребенке жгли нутро сильнее любого спирта. Если она была беременна, значит, те фото... Значит, Эльвира знала. Она видела, что Серафима пытается до меня дозвониться. Она видела ее у офиса. И она просто выставила охрану.

Она убила не только мою любовь. Она убила моего первенца.

Я почувствовал, как внутри, где-то под ребрами, начинает зарождаться холодная, расчетливая ярость. Та самая, которая когда-то помогла мне раздавить конкурентов и построить первый небоскреб. Она была другой — не пьяной и хаотичной, а острой, как лезвие.

Я вернулся в квартиру матери. Алла Петровна спала в кресле перед телевизором, который тихо бормотал что-то о погоде. Она выглядела такой хрупкой, такой жалкой.

Я прошел в комнату сына. На столе лежали его учебники, модель самолета, которую мы так и не доклеили. На стене — та самая фотография Эльвиры. Она смотрела с нее с холодным торжеством.

Я взял рамку в руки.

«Десять лет ты кормила меня сказками, Эля, — подумал я. — Десять лет ты лечила меня от депрессии, которую сама же и создала».

Я зашел в ванную, включил ледяную воду. Умывался долго, пока кожа не онемела. Смотрел в зеркало, пытаюсь найти в себе того Семена Зотова, который умел вырывать победу зубами.

Я больше не хотел пить. Желание приложиться к бутылке исчезло, вытесненное одной-единственной целью. Мне нужна была правда. Вся. До последнего грязного пятна.

Я вышел в коридор, достал из ящика тумбочки старую зажигалку Zirro с гравировкой «С.З.». Подарок Симы. Я берег ее все эти годы, сам не зная почему. Щелкнул кремнем. Язычок пламени дрогнул в темноте.

В голове начал складываться план. Я знал, где сейчас Эльвира. В это время у нее обычно начинались утренние совещания в моем бывшем кабинете. Она любила пунктуальность. Любила контроль.

Я достал телефон. На экране светилось пять пропущенных от «Эля». Последний — полчаса назад. Раньше я бы перезвонил и начал оправдываться, что снова сорвался. Но не сегодня.

Я нашел в шкафу свою старую куртку, которая выглядела чуть приличнее остальных вещей. Вытащил из ящика документы. Денег почти не было — последние ушли на лекарства для Льва до того, как приехала скорая. Плевать. Дойду пешком.

— Сеня? Ты куда? — Мать проснулась, потирая глаза. — Лёвушка как? Тебе надо поспать, ты всю ночь...

— Лев в больнице, мама. Он выживет. О нем заботится лучший врач в этом городе, — я осекся на секунду. — О нем заботится Серафима.

Мать вздрогнула, ее лицо вытянулось.

— Сима? Та самая? О господи... Сеня, может, не надо? Она ведь нас ненавидит...

— Она нас спасает, мам. А мы — те, кто заслуживает ненависти.

Я вышел из квартиры, громко хлопнув дверью. Подъезд встретил меня запахом сырости, но я его не замечал. Я сбежал по лестнице, чувствуя, как в теле просыпается забытая легкость.

Улица встретила меня серым рассветом. Город просыпался. Люди спешили на работу, машины обливали тротуары грязной водой. Я шел к центру, и с каждым шагом уверенность крепла.

Серафима сказала, что я пустой. Что я убил своего сына. Она была права во всем, кроме одного — я еще не сдох.

Если Эльвира подстроила всё это... если она лишила меня сына и подменила мою жизнь своей дешевой подделкой... я не пойду в полицию. Я не буду судиться.

Я приду к ней. И я посмотрю в ее идеальные глаза. Но в этот раз я буду не мужем. И не партнером.

Я буду ее судьей.

Я подошел к высотке из стекла и бетона. К зданию, на крыше которого когда-то горели буквы «ЗОТОВ». Теперь там было написано «ЭЛЬ-СТРОЙ».

Охрана на входе преградила мне путь. Новые лица. Молодые ребята в черных костюмах, которые не помнили, кто построил этот фундамент.

— К Эльвире Викторовне только по записи, — процедил один из них, окинув меня презрительным взглядом.

Я усмехнулся. Эта ухмылка была такой же, как десять лет назад. Опасной.

— Скажи ей, что пришел ее законный муж. Скажи, что разговор пойдет о Серафиме.

Охранник замешкался, прижал палец к наушнику. Спустя минуту его лицо изменилось. В нем появился страх.

— Проходите, Семен Александрович. Вас ждут на сороковом.

Лифт понес меня вверх. Сердце билось ровно. Я смотрел на цифры этажей и понимал: сейчас я либо получу ответы, либо окончательно отправлюсь на дно. Но в любом случае, прежнего меня больше нет.

Двери лифта разъехались. Я шагнул в приемную. Тот же запах дорогого парфюма. Та же тишина.

Эльвира сидела за столом, подписывая документы. Она подняла голову. Красивая. Безупречная. Холодная.

— Здравствуй, Семен, — она мило улыбнулась, но в глазах на секунду мелькнул первобытный страх. — Ты сегодня рано. И... выглядишь странно. Что за шутки про Серафиму?

Я прошел через кабинет и сел в кресло напротив нее. Положил на стол зажигалку Симы.

— Рассказывай, Эля. С самого начала. О фотографиях. О Серафиме. О том, как сфабриковала фотографии, о беременности Симы..

Я увидел, как ее рука, сжимающая золотую ручку, мелко вздрогнула. И в этот момент я понял: Серафима не врала. Мой ад только начинался, но в этот ад я собирался забрать с собой и ту, что его построила.

Глава 5

После разговора с Семеном в больничном коридоре я не поехала домой. Хотя глаза резало от недосыпа, а тело казалось чужим и тяжелым, как намокшая вата, сон не шел. Я чувствовала себя так, будто вскрыла старый нарыв: гной выплеснулся наружу, стало тошно, но вместе с тем в груди появилась какая-то пугающая, звенящая пустота.

Я вернулась в ординаторскую «скорой», сдала смену и переделась в гражданское, но ноги сами понесли меня обратно в сторону Первой детской. Официально я была свободна. Неофициально — я была прикована к этому зданию невидимой цепью, звенья которой ковались из группы крови одного маленького мальчика.

Утро в больнице — это особый вид хаоса. Стук колес каталок по линолеуму, резкие окрики санитарок, запах хлорки, смешанный с ароматом каши из столовой. Я проскользнула мимо поста, накинув халат, и направилась напрямик в лабораторию.

Там работала Любовь Андреевна — женщина-скала, которая видела в своей жизни столько крови, что, кажется, перестала воспринимать её как жидкость. Для неё это был лишь набор шифров.

— Андреевна, — я приоткрыла тяжелую дверь лаборатории. — Помнишь ночного мальчика, Зотова?

Любовь Андреевна подняла глаза от микроскопа. Поправила массивные очки, которые делали её похожей на мудрую сову.

— А, Зотова?. Помню. Ты из-за него в свой выходной прибежала?

— Перепроверь ещё раз группу, — я присела на край высокого стула. — Не может там быть четвертой. Ошибка, наверное.

Андреевна фыркнула, потянулась к штативу с пробирками и достала одну — с тонкой красной полоской по краю.

— Обижаешь, Сима. Я дважды ставила реакцию. И вручную, и на анализаторе. Чистая АВ(IV). Без вариантов. Редкая кровь, красивая. Но для твоей статистики — неоспоримый факт.

Она протянула мне распечатку. Я смотрела на чернильные буквы, и в голове снова, как на старых счетах, щелкали костяшки.

Биология — наука упрямая. Она не знает жалости, не берет взятки и не поддается на уговоры. Если у Семена вторая группа (А), а у ребенка четвертая (АВ), то от матери ребенок *обязательно* должен был получить антиген «В».

У Эльвиры первая группа (0). У людей с первой группой нет ни антигена «А», ни антигена «В». Она — «универсальный донор», чистый лист. Она физически, на уровне каждой клетки своего тела, не могла передать Льву то, чего у неё никогда не было.

Значит, она не его мать.

Я вышла из лаборатории, чувствуя, как мелко дрожат колени. Спустилась на этаж ниже, к палатам интенсивной терапии. Лев лежал там же. Его перевели в бокс у окна. Через стекло я видела, как он спит — бледный, беззащитный, с тонкими венами на висках.

«Кто же ты, Лёвушка?» — прошептала я, прижимаясь лбом к холодному стеклу.

И в этот момент память, которую я столько лет тщательно паковала в плотные чехлы и задвигала в самые темные углы подсознания, начала рваться наружу.

Одиннадцать лет назад. Роддом №4.

Тогда всё было как в тумане. Стресс после того, как Семен выставил меня за дверь, не прошел бесследно. Я попала на сохранение с гипертонусом, а потом началось кровотечение. Ночь была душной, липкой, пропитанной запахом спирта и страха.

Я помню, как меня везли по коридору. Лампы на потолке мелькали, как кадры из старого кино.

— Быстрее! Отслойка! — кричал кто-то.

Меня ввели в операционную. Сознание плавало, я видела лишь ослепительный свет бес-
тневых ламп. И врача.

Доктор Воронов. Тогда он еще не был главным хирургом города. Он был дежурным аку-
шером-гинекологом. Моложавый, с цепким взглядом и очень холодными руками.

— Спинальную делать поздно, — бросил он анестезиологу. — Давайте общий. Ребенка
спасаем!

Я помню, как маска опустилась на лицо. Помню сладковатый, удушливый запах наркоза.
И последнее, что я услышала перед тем, как провалиться в бездну — крик из соседнего бокса.
Пронзительный, почти звериный женский крик, полный отчаяния.

А потом была тишина.

Когда я очнулась в реанимации, за окном брезжил серый рассвет — такой же, как сегодня.
Воронов вошел в палату через час. Он не смотрел мне в глаза. Он долго листал мою карту, а
потом произнес те слова, которые разбили мою жизнь на мелкие осколки:

— Мне жаль, Серафима. Мы сделали всё, что могли. Мальчик... он не задышал. Слишком
тяжелая отслойка. Гипоксия.

Я не плакала. У меня просто не было сил. Я лежала и смотрела, как по стене ползет
солнечный зайчик. А за дверью в это время был шум. Суета. Слышались поздравления.

— Поздравляю, Эльвира Викторовна! Богатырь! Три восемьсот! — донесся голос мед-
сестры из коридора.

Тогда я не обратила на это внимания. В этом городе тысячи Эльвир. И тысячи богатырей.
Но сейчас, стоя у палаты Льва, я чувствовала, как по спине ползет ледяной холод.

Я вспомнила странную спешку врачей. Помню, как Воронов буквально выпихнул меня
из больницы на третий день, хотя я едва держалась на ногах. «Мест нет, палат не хватает».....
И Эльвира, правая рука Семена, его финансовый гений, она тоже родила. В ту же ночь. В той
же больнице.

И её ребенок выжил. А мой — нет.

Я посмотрела на Льва. Математика в моей голове складывалась в страшную картину.

У меня четвертая группа крови. У Семена вторая. У нас может родиться ребенок с чет-
вертой группы крови.

А у Эльвиры и Семена — ноль. Абсолютный ноль.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Если Эльвира родила мертвого
ребенка, а мой был жив... Если Воронов подменил их, чтобы угодить богатому заказчику или
просто избавить Эльвиру от «проблемы»...

Это было безумие. Дикое, немыслимое предположение, достойное дешевого сериала. Но
цифры не лгали. Группы крови были безмолвными свидетелями преступления, совершенного
одиннадцать лет назад.

Я медленно отошла от стекла. В коридоре показался Артем — он завез кого-то из педи-
атрического отделения и теперь шел к выходу.

— Фим? Ты еще тут? — Он подошел ко мне, заглядывая в лицо. — Ты на себя не похожа.
Что случилось? Опять этот Зотов допек?

Я посмотрела на него, но видела не Артема, а ту ночь. Холодные руки Воронова. Тишину
в родзале.

— Тем... — я сглотнула сухой ком в горле. — Ты веришь в совпадения?

— Смотря в какие, — он нахмурился. — В медицине совпадений обычно не бывает.
Бывают хреновые диагнозы и ошибки лаборантов.

— Это не ошибка лаборанта, — я сунула руку в карман, сжимая распечатку с анализом. — Это биологический тупик.

Я развернулась и пошла прочь, почти побежала по лестнице. Мне нужно было в архив. Не в архив «скорой», а в архив роддома №4. Я знала, что посторонних туда не пускают. Я знала, что записи десятилетней давности могут быть уничтожены или «потеряны». Но я также знала, что теперь я не успокоюсь.

Лев спал. Он не знал, что его «мать» на самом деле — чужая женщина, укравшая его у той, что кормила его под сердцем девять месяцев.

Он не знал, что его отец — человек, который собственноручно вышвырнул его настоящую мать на улицу.

Я вышла на улицу. Город жил своей жизнью. Машины гудели, люди спешили по своим делам, не подозревая, что прямо сейчас, в центре этого муравейника, начала рушиться грандиозная ложь, выстроенная на фундаменте из денег и подлости.

Я села в свою старую «мазду», ударила кулаком по рулю.

— Ты за это заплатишь, Эля, — прошептала я, глядя в зеркало заднего вида. — За каждый день моей боли. За каждую слезу, которую я пролила над пустой кроватью.

Я знала, что вступаю на тропу войны. Против меня были деньги и влияние Эльвиры и связи Воронова. А у меня была только распечатка с группой крови и материнское чутье, которое кричало во весь голос: «Это твой сын! Твой!».

Математическое доказательство было получено. Теперь мне нужны были факты.

Я завела мотор и поехала в сторону своего дома. Мне нужно было составить план. Глава первая: архив. Глава вторая: ДНК. Глава третья: возмездие.

Я больше не была «бракованной». Я была матерью, которая нашла своего ребенка. И горе тому, кто попытается встать у меня на пути.

Глава 6

Я опять не поехала домой. Просто не смогла заставить себя повернуть ключ в замке зажигания и нажать на газ. Моя старая «мазда» замерла на больничной парковке, окруженная лужами, в которых дрожало отражение серого ноябрьского неба. Внутри машины пахло сыростью и моим собственным страхом — едим, как нашатырь.

Я вернулась в здание больницы через служебный вход. Белый халат, наброшенный поверх гражданской кофты, служил идеальным камуфляжем. В этих стенах человек в белом — это призрак, на которого никто не обращает внимания, если он идет уверенным шагом.

В отделении педиатрии пахло манной кашей и хлорамином. Тихий час подходил к концу, из палат доносилось сонное сопение и редкий плач малышей. Я шла по коридору, чувствуя, как пульс бьет в кончики пальцев. Десятая палата.

Я приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы проскользнуть внутрь.

Лев не спал. Он лежал на боку, прижав колени к груди, и смотрел в окно, за которым мокрые ветки берез царапали стекло. В боксе было прохладно. На тумбочке стоял нетронутый стакан киселя, подернутый тонкой пленкой.

Я замерла у порога. Сердце сделало кульбит и застряло где-то в горле. Мальчик не заметил моего появления. Его правая рука лежала на одеяле, и я увидела, как его пальцы — длинные, тонкие, с аккуратными ногтевыми пластинами — мерно перебирают край пододеяльника. Складывают ткань в мелкую гармошку, отпускают и начинают заново.

В глазах зашипало. Моя мать всегда говорила, что это «привычка беспокойных душ». Я делала так же каждую ночь перед экзаменами в институте. Я делаю так же сейчас, когда жду сложный вызов в диспетчерской.

Это не передается через воспитание. Это зашито в подкорку. В гены. В кровь.

— Привет, — тихо произнесла я.

Лев вздрогнул и обернулся. Его глаза, все еще припухшие после ночного приступа, расширились.

— Вы... та тетя со скорой? — Его голос звучал хрипло, но уже без того страшного свиста.

— Доктор Новикова, — я подошла ближе, стараясь дышать ровно. — Пришла узнать, не обижают ли тебя здесь врачи. Как ты дышишь?

— Хорошо. Только горло чешется, — он сел на кровати, и я заметила, как он поморщился. — И живот болит. Нам давали какао с молоком, а мне от него всегда... плохо.

Я замерла. Подошла к спинке кровати, где висел лист назначений и диетический стол. «Стол №5». Пробежалась глазами по записям дежурного врача.

— Живот, говоришь? — я присела на край его кровати. — А когда ты пьешь молоко, становится больно? Появляются пятна?

Лев серьезно кивнул.

— Мама говорит, что я придумываю. Что молоко — это полезно. Но папа разрешает мне его не пить, когда она не видит. Только сегодня папы нет.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Непереносимость лактозы. Классическая, наследственная. Такая же, как у меня. В моем медицинском деле в архиве института это было подчеркнуто красным маркером. Семен всегда смеялся, когда я заказывала в кафе кофе на соевом молоке, называя это «модными причудами». У него самого желудок переваривал даже гвозди.

Эльвира не могла не знать. Но ей было плевать. Она пичкала ребенка тем, что считала «правильным», игнорируя его физическую боль. Для неё он был не живым существом, а аксессуаром, который должен соответствовать стандарту.

— Больше не пей его, Лёва, — я протянула руку и осторожно коснулась его лба. Кожа была прохладной и нежной. — Я скажу медсестрам, чтобы тебе приносили только чай или воду. Обещаю.

— Спасибо, — он вдруг улыбнулся.

Это была не детская улыбка. В ней сквозила какая-то взрослая, затаенная грусть. Он смотрел на меня с таким доверием, что мне захотелось схватить его, завернуть в это колючее больничное одеяло и унести отсюда. Далеко. Туда, где никто никогда не посмеет назвать его «наследником» или «инструментом влияния».

— Серафима?

Голос Артема заставил меня подпрыгнуть. Он стоял в дверях палаты, держа в руках два бумажных стакана с кофе. Его лицо выражало крайнюю степень недоумения.

— Ты чего здесь? Я думал, ты уже дома спишь. Твоя машина на парковке...

Я быстро поднялась, поправляя халат. Лев с любопытством переводил взгляд с меня на Артема.

— Зашла проверить пациента, — ответила я слишком быстро, слишком официально. — Были сомнения по поводу динамики.

Артем зашел в палату, протянул мне кофе. От стакана исходил густой аромат дешевой арабики, но сейчас он показался мне божественным.

— Ты маньяк, Новикова. Пять лет на линии, а всё никак не научишься отпускать вызовы, — он покачал головой, но в его глазах светилась теплота. — Пойдем. Я тебя провожу. Тебе спать надо, у тебя лицо цвета этой стены.

Я кивнула Льву на прощание и вышла в коридор вслед за Артемом. Он шел рядом, его плечо время от времени касалось моего. Артем был хорошим парнем. Надежным. Иногда мне казалось, что если бы я позволила себе... если бы не эта выжженная пустыня внутри...

— Фим, что происходит? — спросил он, когда мы отошли достаточно далеко от палаты. — Ты из-за этого мальчика сама не своя. И этот мужик в хрущевке... Ты его знаешь?

— Это мой бывший муж, Артем, — я остановилась у окна, глядя на то, как дождь превращается в мокрый снег. — Тот самый, о котором я никогда не рассказывала.

Артем присвистнул. Его рука замерла со стаканом кофе на полпути к губам.

— Ого. Сюжет для сериала на «России-1». И как он? Потрепала его жизнь?

— Сильно, — коротко ответила я. — Но дело не в нем.

Я не могла сказать ему правду. Не сейчас. Пока у меня на руках не было ничего, кроме группы крови и детской привычки перебирать пальцами одеяло. Артем — фельдшер, он реалист. Он сочтет меня сумасшедшей, решит, что у меня начался психоз на почве старой травмы.

— Слушай, — Артем мягко взял меня за локоть. — Ты завтра не в смене. Давай я тебя заберу, съездим в кино? Или просто в парк. Тебе надо голову проветрить. Ты вцепилась в этот случай, как бульдог. Это тебя сожрет.

Я посмотрела на его доброе, открытое лицо. Артем предлагал мне нормальную жизнь. Спокойствие. Бутерброды в парке, разговоры ни о чем, уютные вечера. Всё то, чего у меня не было одиннадцать лет.

— Спасибо, Тем. Но не сейчас. Мне нужно... закончить кое-какие дела.

— Опять ты за свое, — он вздохнул, но спорить не стал. — Ладно. Но если решишь сойти с ума окончательно — позвони мне. Я хотя бы санитаров знакомых вызову, чтобы аккуратно упаковали.

Он попытался пошутить, но я лишь слабо улыбнулась. Артем ушел в сторону выхода, а я осталась стоять в коридоре, допивая остывающий кофе.

И тут тишину отделения разрезал звук, который я узнала бы из тысячи. Стук каблучков. Дорогой, ритмичный, уверенный. Так ходят женщины, которые знают, что им принадлежит этот мир. Или, по крайней мере, эта больница.

Я обернулась.

В конце коридора появилась Эльвира.

Она выглядела так, будто только что сошла с обложки Forbes. Длинное пальто цвета «кэмел» из чистой шерсти, безупречно повязанный шелковый платок, в руках — небольшая сумочка, цена которой равнялась моему годовому окладу. Её волосы, идеально уложенные волосок к волоску, отливали холодным золотом под лампами дневного света.

Она шла, не глядя по сторонам. Каждое её движение источало силу и контроль. Проходя мимо поста медсестер, она даже не повернула головы — просто бросила короткое «Зотов Лев», и медсестры, обычно ворчливые, тут же засуетились, указывая ей дорогу.

Я застыла у окна, чувствуя, как внутри всё превращается в комок натянутых нервов.

Эльвира приближалась. Я не двигалась, и она была вынуждена пройти в нескольких сантиметрах от меня.

В какой-то момент она замедлила шаг. Её взгляд — холодный, цвета арктического льда — скользнул по моей фигуре. По дешевому белому халату, по уставшему лицу, по волосам, выбившимся из пучка.

Она узнала меня. Не могла не узнать.

На её губах на долю секунды появилась едва заметная, торжествующая полуулыбка. Так смотрят на раздавленное насекомое, которое случайно выжило под подошвой. В её глазах не было ни грамма сочувствия к сыну, к которому она шла. Только ледяное превосходство.

Она не произнесла ни слова. Просто прошла мимо, обдав меня волной своего дорогого, душистого парфюма с нотками сандала и власти. Запах победительницы.

Я смотрела ей в спину. Пальто мягко колыхалось при ходьбе. Эльвира зашла в десятую палату, и дверь за ней закрылась с негромким, но окончательным щелчком.

Я осталась стоять в пустом коридоре.

В голове пульсировала только одна мысль: она знает. Она всё знает. Она знала это в ту ночь в роддоме, она знала это, когда подсовывала Семену фальшивые фото. Она жила с этой ложью десять лет, спала в одной постели с мужчиной, которого предала, и воспитывала ребенка, которого украла.

И она не боится. Она считает, что она неуязвима.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы сжимали пустой бумажный стаканчик так сильно, что он смялся в бесформенный ком.

«Ты ошибаешься, Эля, — подумала я, глядя на закрытую дверь палаты. — Ты совершила одну-единственную ошибку. Ты позволила мне выжить».

Столкновение двух матерей — биологической и официальной — произошло без единого звука. Но война была объявлена. И в этой войне у меня не было денег и власти, но у меня было то, чего у Эльвиры не могло быть по определению.

Правда.

Я развернулась и пошла к выходу. Теперь я точно знала, что мне делать. Шаг первый: архив роддома. Чего бы мне это ни стоило.

Снег на улице уже не таял, укрывая грязный асфальт тонким, белым саваном. Мир вокруг становился чистым и холодным. Таким же, как моё решение дойти до конца.

Глава 7

Ноябрьский ледяной дождь вперемишку с колючей крошкой снега бил в лобовое стекло такси, словно хотел прорваться внутрь и выморозить те крохи тепла, что еще теплились в моей груди. Я смотрел на мелькающие огни города, но видел только белое лицо Серафимы и ее глаза, полные выжженной пустоты. «Я родила мальчика, Семен. Твоего сына». Эти слова крутились в голове на повторе, как заевшая пластинка. Каждый раз, когда они всплывали в памяти, в солнечном сплетении рождался тугой узел боли. Я ведь действительно считал ее пустой. Бракованной. А она... она прошла через ад в одиночестве, пока я праздновал победу над ее «предательством». Я сунул руку во внутренний карман старой куртки. Пальцы нащупали прохладную обложку паспорта и тонкую синюю книжицу — медицинскую карту Эльвиры, которую я выкрал из ее сумочки сегодня утром. Тогда это был порыв, пьяная интуиция, которая внезапно сработала. Теперь это было моим главным оружием. Такси остановилось у моей пятиэтажки. Я расплатился последней мятой сотней и вышел в слякоть. Трезвость была непривычной, острой, она заставляла чувствовать каждый шов на одежде и каждую зазубрину в собственной душе. В квартире пахло валерьянкой и старой мебелью. Мать, Алла Петровна, сидела на кухне, обхватив руками чашку с остывшим чаем. Она вздрогнула, когда я вошел. — Сенья... ты как? Из больницы? — она смотрела на меня с такой опаской, будто я мог сорваться и начать крушить мебель в любую секунду. — Трезвый я, мам. Трезвый, — я прошел мимо нее в комнату, скинул куртку и сел за тот самый массивный дубовый стол, который чудом втиснули в эту конуру. Я достал документы Эльвиры. Положил их под свет настольной лампы. Паспорт. Прописка в элитном доме, который я когда-то проектировал. И эта чертова синяя книжка. Я вспомнил вопрос Серафимы, о группе крови Эльвиры. Она не просто так спросила, за этим что то кроется и я обязательно разберусь. Я листал страницы, пока не нашел нужную. Штамп о группе крови. Первая положительная. O(I) Rh+. Все правильно, я так и сказал Серафиме. А у меня вторая положительная. A(II) Rh+

Стоп! У меня в мозгу что то шевельнулось.

Я вспомнил вчерашнюю ночь. Лицо медсестры у стойки регистрации, когда она

протянула Серафиме анализ Льва. У Льва была 4 группа крови, я это знал и раньше, но никогда не придавал этому значение.. Я не врач, я строитель, но я умею

считать. Я помню чертов школьный учебник биологии, потому что в юности

хотел поступать в мед.

Если у отца вторая группа, а у матери первая — у ребенка может быть либо первая,

либо вторая. Вариантов нет. Но Лев... медсестра ясно сказала: «Четвертая». АВ(IV).

Я закрыл глаза, чувствуя, как в затылке начинает пульсировать тяжелая, глухая

боль. Математика не сходилась. И в этой нестыковке было зарыто что-то

настолько грязное и страшное, что мне стало трудно дышать.

— Сеня, что ты там ищешь? — мать стояла в дверях, ее лицо было бледным, руки

мелко подрагивали.

— Мам, — я поднял голову, — ты помнишь ту ночь? Одиннадцать лет назад? Когда

родила Эльвира?

Мать попятилась, ее спина коснулась косяка. Она отвела взгляд, и это движение

было красноречивее любого признания.

— Ну чего ты старое ворошишь... Столько времени прошло. Лёвушка родился, наследник

твой. Ты тогда так счастлив был.

— Наследник? — я встал, медленно обходя стол. — Мама, посмотри на меня. Ты что то знаешь?

Ты ведь знала, что у Эльвиры первая группа крови?

— Откуда мне... я не врач, — она засуетилась, пытаясь уйти обратно на кухню, но я

перехватил ее за плечи. Несильно, но твердо.

— Ты была там, в роддоме. Ты видела Серафиму? Ты знала, что она тоже рожает в ту

ночь?

Мать задрожала под моими руками. — Она изменила тебе, Сеня! Эля принесла

фотографии, она спасла тебя от позора! Серафима сама виновата, Бог ее

наказал...

— Бог или Эльвира? — я почти прошептал это ей в лицо. — Мам, скажи мне правду.

Один раз в жизни. Лев — сын Эльвиры?

Она вдруг зашлась в сухом кашле, вырвалась и убежала в ванную, закрывшись на

щеколду. Я услышал шум воды и ее приглушенные всхлипы.
Я остался стоять посреди комнаты. Внутри меня всё выло от осознания собственной слепоты. Десять лет я кормил эту женщину, дарил ей украшения, подписывал доверенности на свои фирмы, пока она медленно и методично высасывала из меня жизнь.....
Я вспомнил Льва. Его тонкие черты, его тихий нрав. Я любил его. Всегда любил, несмотря на то, что он не был похож ни на меня, ни на Элю. Но если он не её сын... то чей?
Серафима сказала, что родила мертвого мальчика.
Сердце пропустило удар. «Мертвого мальчика...»
Если Эльвира знала, что Сима беременна. Если она боялась, что я прощу измену ради ребенка. Если она родила в ту же ночь, но ее ребенок... что, если это у нее он родился мертвым?
Моя рука сама потянулась к телефону. Мне нужно было позвонить Эльвире. Нет, не звонить. Я должен был увидеть ее реакцию вживую. Но сейчас она в больнице. Она там, рядом с Львом. Рядом с Серафимой.
Я снова надел куртку. В голове был ледяной, прозрачный план. Я больше не хотел пить. Желание забыться в алкогольном угаре сгорело, оставив после себя чистую, дистиллированную ненависть.
— Сеня! Ты куда? — мать выскочила из ванной, ее лицо было красным от слез.
— За правдой, мама. И если окажется, что ты всё знала и молчала... не жди, что я прощу ..
Я вышел на лестничную клетку. Подъезд встретил меня запахом сырости и кошачьей мочи, но я дышал глубоко, будто это был горный воздух.
Я сел в такси и назвал адрес больницы. В кармане куртки лежали документы Эльвиры. В голове — слова Симы.
Я должен был понять, почему Лев — обладатель четвертой группы крови. Если он не сын Эльвиры, то кто его мать?
Биология. Чтобы у отца со второй группой родился сын с четвертой, у матери должна быть третья или четвертая.
У Серафимы была четвертая группа. Я вспомнил это. Она когда-то сдавала

кровь для своей подруги, и я возил её в донорский центр.
Мир вокруг меня пошатнулся. Дома, машины, мокрые деревья — всё превратилось в смазанную линию. Если Серафима — мать Льва... если Эльвира просто украла его, заменив мертвым младенцем...

— Быстрее можно? — хрипло спросил я водителя.
— Куда быстрее, командир? Гололед. И так летим.
Я вцепился в ручку двери. Ярость сменялась ужасом. Одиннадцать лет. Мы потеряли одиннадцать лет. Серафима считала сына мертвым. Я считал её предательницей. А воровка жила в моем доме, распоряжалась моими деньгами и обнимала моего сына своими холодными руками.
Когда я вбежал в приемный покой больницы, там было относительно тихо. Дневная суeta улеглась. Я прошел мимо охраны, даже не замедляя шага. Мой взгляд был таким, что никто не рискнул меня остановить.
Я поднялся на этаж педиатрии. У поста медсестер было пусто. Я прошел в сторону десятой палаты.
У двери я замер.
Голос Эльвиры доносился из бокса. Он был нежным, приторно-сладким — тот самый голос, который она включала, когда ей нужно было что-то от меня получить.
— Потерпи, Лёвушка. Скоро мы уедем отсюда. Мама договорилась с доктором Вороновым, тебя переведут в частную клинику. Там нет этих страшных врачей на скорых...

Я приоткрыл дверь на пару сантиметров. Лев лежал на боку, отвернувшись от нее.
Эльвира сидела на краю кровати, поправляя его одеяло.
В этот момент в палату вошла Серафима. Она была в халате, со стетоскопом на шее.
Она не видела меня, стоявшего в тени коридора.
— Эльвира Викторовна, — голос Симы был как щелчок кнута. — Я просила вас не беспокоить мальчика. Ему нужен покой. И никаких переводов. Состояние пациента не позволяет транспортировку.
Эльвира медленно поднялась. Она была на голову выше Серафимы, на ней было дорогое пальто, от нее везло уверенностью и деньгами. Но Серафима не отступила.
— Вы? Снова вы? — Эльвира брезгливо поморщилась. — Я уже говорила вашему

руководству, что вы преследуете мою семью. Вам мало было позора

одиннадцать лет назад? Хотите, чтобы я лишила вас диплома?

— Попробуйте, — Серафима подошла ближе. — Но пока я врач этого ребенка. И я

решаю, что для него лучше. Например, я решила, что ему не стоит пить

молоко, на которое у него аллергия. Странно, что «любящая мать» за десять

лет этого не заметила.

Я увидел, как лицо Эльвиры на секунду исказилось. Это была маска. Тонкая, едва

заметная трещина в её безупречном образе.

— Уходите, Серафима Владимировна. Пока я добрая.

Я не выдержал. Я толкнул дверь и вошел в палату.

Обе женщины замерли. Лев приподнялся на локтях, его глаза расширились.

— Папа? — прошептал он.

Я не смотрел на него. Я смотрел на Эльвиру. Достал из кармана её синюю медкнижку

и швырнул на больничную тумбочку. Она упала рядом со стаканом киселя, раскрыв

страницу с группой крови.

— Рассказывай, Эля, — мой голос был похож на хруст ломающегося льда. —

Рассказывай нам всем. Как у матери с первой группой крови родился сын

с четвертой?

В палате стало так тихо, что я слышал, как гудит люминесцентная лампа под

потолком. Серафима замерла, её взгляд метнулся от меня к раскрытой

книжке, а потом — на Льва. Я увидел, как она побледнела. Она начала

понимать. Она начала сопоставлять цифры так же, как я десять минут назад.

Эльвира молчала. Её лицо стало мертвенно-бледным, глаза превратились в две

ледяные щели. Она больше не была «бизнес-леди». Она была воровкой,

пойманной за руку в темном переулке.

— Что ты несешь, Семен... — пролепетала она, но в её голосе уже не было силы.

— Я несу правду, — я сделал шаг к ней. — Одиннадцать лет лжи. Кто этот мальчик,

Эля? Чей он сын?

Серафима вдруг охнула и схватилась за спинку кровати. Её взгляд был прикован к

Льву. Она смотрела на него так, будто видела его впервые. И в этом взгляде

было столько боли и надежды, что я понял: я был прав.

— Убирайся, — сказал я Эльвире. — Убирайся, пока я не вызвал сюда полицию. Эльвира схватила свою сумку, её пальцы дрожали. Она бросила на Серафиму взгляд,

полный такой ненависти, что мне стало холодно. — Ты ничего не докажешь, Зотов.

Ничего!

Она вылетела из палаты, стуча каблуками по линолеуму.

Я остался стоять посреди комнаты. Серафима медленно опустилась на стул рядом с

Львом. Она протянула руку и коснулась его волос. Мальчик не отстранился. Он

смотрел на нее с каким-то странным, интуитивным доверием.

Я посмотрел на них — на женщину, которую я уничтожил, и на мальчика, которого я

считал нашим общим с Эльвирой.

Правда была здесь, в этой стерильной комнате. Она была страшной, она пахла

кровью и предательством, но она наконец-то была на свободе.

— Сима... — начал я, но голос сорвался.

Она не подняла головы. Она просто продолжала гладить Льва по волосам, и по её

щекам медленно катились слезы.

— У него четвертая группа, Семен... — прошептала она. — У меня — четвертая У тебя

—
вторая.

Она подняла на меня взгляд, и в нем не было прощения. В нем была только

бесконечная, вековая усталость. — Ты понимаешь, что это значит?

Я понимал. Но от этого понимания мне хотелось быть в голос. Одиннадцать лет. Мы

потеряли одиннадцать лет нашей жизни. И теперь нам предстояло собирать её по

осколкам.

Лев переводил взгляд с меня на Серафиму. — Папа, а почему тетя-врач плачет?

Я подошел к ним, опустился на колени у кровати и впервые за долгое время

почувствовал, что я — на своем месте.

— Потому что она нашла то, что считала потерянным навсегда, Лёвушка.

Битва только начиналась. Но теперь я знал, за что сражаюсь. И в этой войне у

Эльвиры не было ни единого шанса.

Глава 8

В палате повисла такая тишина, что я слышала, как в такт моему бешено колотящемуся сердцу вздрагивает стрелка настенных часов. Семен стоял у кровати, тяжело дыша, его куртка была расстегнута, а в глазах застыло что-то среднее между безумием и надеждой. На тумбочке, рядом с надкушенным яблоком и стаканом остывшего чая, лежала синяя книжица — медицинский приговор Эльвире. Группа крови. Первая. O(I). Я смотрела на эти буквы, и мир вокруг меня осыпался серой пылью. Биология — это не чувства, её нельзя подкупить или уговорить. Это сухая математика. У матери с первой группой и отца со второй не может родиться ребенок с четвертой. Это невозможно. Физически. Генетически. Абсолютно. А у Льва — четвертая. Моя группа. — Тетя Сима, почему вы так смотрите? — негромкий голос Льва заставил меня вздрогнуть. Я перевела взгляд на мальчика. Он смотрел на меня снизу вверх, и в его глазах, таких незащищенных и чистых, я вдруг увидела отражение самой себя. Не ту Серафиму, которую одиннадцать лет назад вышвырнули на мороз, а ту, маленькую, какой я была в детстве. Тот же разворот плеч, та же привычка до белизны сжимать кулаки. — Всё хорошо, Лёвушка, — мой голос надломился, превратившись в хрип. — Просто... просто я очень рада, что тебе лучше. Я не могла больше здесь находиться. Воздух в палате стал густым, как сироп, мне не хватало кислорода. Я резко развернулась и почти выбежала в коридор. — Серафима! — Семен догнал меня у поста медсестер. Он схватил меня за локоть, заставляя обернуться. — Сима, постой. Ты ведь понимаешь, что это значит? Скажи мне, что я не сошел с ума. Я посмотрела на его руку на моем рукаве. Когда-то это прикосновение было моим спасением. Теперь оно жгло, как открытый огонь. — Отпусти, Семен, — я выдернула руку. — Сейчас не время и не место. Тебе нужно

заниматься сыном.

— Нашим сыном? — он почти прорычал это, и в его голосе прорезалась та самая

сталь, которая когда-то заставляла меня замирать от восхищения. — Если

Эльвира не его мать, то кто? Ты ведь уже всё поняла, да? Врачебный мозг

уже всё сосчитал?

Я промолчала. Я не могла дать ему надежду, пока сама не была уверена на сто

процентов. Группа крови — это повод для подозрений, но не доказательство

для суда. Мне нужны были факты. Документы. История.

— Уходи домой, Семен. И ради всего святого, не делай глупостей. Эльвира опасна,

когда её загоняют в угол.

Я развернулась и пошла прочь, чувствуя его взгляд, сверлящий мне спину. Я знала,

куда мне нужно.

Первая детская больница, в которой я работала, была огромным организмом, и у

этого организма было «хранилище памяти» — архив. Он находился в цокольном

этаже, в конце длинного, плохо освещенного туннеля. Именно туда стекались

документы из закрытых и реорганизованных отделений города. Роддом №4, в

котором я рожала одиннадцать лет назад, был расформирован пять лет назад, и

все его журналы передали нам.

Я дождалась конца смены. Город за окнами уже окончательно погрузился в

ноябрьскую мглу, снег с дождем хлестал по стеклам, создавая иллюзию

полной изоляции. На посту дежурила Валентина Ивановна — она любила меня и

всегда закрывала глаза на мои «задержки» в больнице.

— Симочка, ты опять? Пожалей себя, девка, краше в гроб кладут, — проворчала она,

не отрываясь от вязания.

— Нужно заполнить пару карт по вчерашнему вызову, Валентина Ивановна. В

ординаторской шумно, я внизу посижу, в тишине.

— Ну иди, иди. Ключи на гвоздике, только не забудь сдать, когда уходить будешь.

Я схватила связку ключей. Металл был ледяным.

Цокольный этаж встретил меня запахом старой бумаги, нафталина и подвальной

сырости. Здесь не было ярких ламп — только тусклые дежурные светильники,

которые бросали длинные, уродливые тени на стеллажи.

Я шла мимо бесконечных рядов папок. 2020 год... 2018... 2015... Вот он. Стеллаж с

документами четвертого роддома.

Сердце колотилось так, что мне казалось — его звук разносится по всему подвалу.

Я нашла тяжелый, обтянутый дерматином журнал регистрации рожениц за нужный год.

Мои пальцы дрожали, когда я листала страницы. Бумага была пожелтевшей, с

характерным запахом тлена. Июль... август... сентябрь.

15 сентября. Мой день. Мой личный день конца света.

Я нашла свою фамилию. «Новикова С. В. Поступление в 22:40. Экстренное кесарево

сечение. Отслойка плаценты». И дальше, каллиграфическим, холодным почерком:

«Исход: мертворожденный, мужской пол. Вес 3600. Причина: антенатальная гибель

плода».

Я закрыла глаза, и на мгновение меня накрыла та самая волна боли, которая едва

не убила меня тогда. Тишина в родзале. Безразличные лица врачей.

Я заставила себя смотреть дальше. Кто еще рожал в ту ночь?

Список был небольшим. Трое женщин. И среди них — она. «Зотова Э. В. Поступление

в 23:15. Срочные роды».

Я всмотрелась в строчку. Мой взгляд зацепился за странную деталь. В графе

«Исход» было написано: «Живорожденный, мужской пол. Вес 3800. Оценка по

Апгар 8/9».

Но страница выглядела странно. Края бумаги в этом месте были чуть более

потертыми, а чернила — чуть темнее, чем в остальных записях. Словно

кто-то сначала написал что-то другое, а потом аккуратно, мастерски исправил.

Я перевернула страницу, ища подробный протокол родов Эльвиры. Обычно это

отдельный лист с подписями дежурной бригады.

Его не было.

Лист №142 был аккуратно вырезан. На его месте осталась лишь узкая полоска бумаги

у самого переплета.

Холод прошиб меня до костей. Это не было ошибкой. Это было преступлением.

Я листал журнал дальше, надеясь найти хоть какую-то зацепку. Кто дежурил? Кто

принимал решения? На последней странице обложки был список дежурных бригад на

месяц.

15 сентября. Дежурный врач — Воронов В. С. Ассистент — медсестра Иванова.

Воронов.

Тот самый Виктор Сергеевич Воронов, который сейчас возглавляет нашу больницу.

Мой нынешний начальник. Человек, который сегодня утром в коридоре холодно

поинтересовался состоянием «маленького Зотова» и посоветовал мне «не

проявлять излишнего рвения».

Я прижала руки к лицу. Картинка сложилась. Воронов тогда был обычным врачом,

амбициозным и, судя по всему, не обремененным совестью. Эльвира была правой

рукой богатого застройщика Зотова. Она могла пообещать ему что угодно —

карьеру, деньги, покровительство. И он сделал это. Он просто поменял

живого ребенка на мертвого, отдав моего сына женщине, которая родила мертвого ребенка.

Я почувствовала, как меня начинает трясти. Одиннадцать лет. Одиннадцать лет я

считала себя виноватой в смерти своего ребенка. Я ненавидела свое тело, я

ненавидела свою жизнь, я ушла в медицину, чтобы хоть как-то искупить ту

мнимую вину. А мой сын всё это время рос рядом. В руках у воровки.

Вдруг в конце коридора послышался звук. Скрип тяжелой двери.

Я замерла, вцепившись в журнал.

Шаги были тяжелыми, размеренными. Кто-то спускался в архив. Свет в дальнем конце

туннеля мигнул и разгорелся ярче.

Я быстро задвинула журнал на место и нырнула за соседний стеллаж, в густую тень.

Сердце ушло в пятки. Если меня здесь найдут — это конец. Увольнение — это самое

меньшее, что мне грозило.

Шаги приближались.

— Я знаю, что вы здесь, Серафима Владимировна, — голос прозвучал мягко, почти

ласково, но от него по моей коже побежали мурашки.

Из-за угла стеллажа вышел он. Виктор Сергеевич Воронов.

Он был в своем безупречном сером костюме, руки заложены за спину. В полумраке

архива его лицо казалось гипсовой маской — неподвижным и мертвенно-белым.

— Вы засиделись на работе. Это похвально, но вредно для здоровья, — он

остановился в паре метров от моего укрытия.

Я вышла из тени. Скрываться было бессмысленно.

— Я искала записи по одному старому случаю, Виктор Сергеевич, — мой голос

дрожал, но я старалась придать ему твердости. — Пыталась понять причину

одной... наследственной патологии.

Воронов чуть наклонил голову. Его очки блеснули в тусклом свете.

— И как? Нашли? Архив — коварное место. Иногда здесь находишь совсем не то, что

ищешь. А иногда... то, что лучше бы никогда не видеть.

Он подошел к стеллажу, где лежал журнал четвертого роддома. Его рука в белой

манжете коснулась корешка книги.

— Вы хороший врач, Новикова. Перспективный. Будет очень жаль, если ваша страсть

к истории испортит вам будущее. В медицине важно уметь вовремя ставить точку. И

не перелистывать страницы, которые уже заклеены.

Это была прямая угроза. Открытая и циничная.

— Почему в журнале не хватает страниц, Виктор Сергеевич? — я сама не узнала свой

голос. Это был голос матери, которая учуяла след своего ребенка.

Воронов посмотрел на меня. В его глазах не было страха. Только холодное,

бездонное безразличие хищника.

— Время разрушает бумагу, Серафима Владимировна. А иногда её разрушают люди,

которые хотят защитить других от ненужной боли. Идите домой. Завтра у вас

сложная смена. И забудьте дорогу в этот подвал. Здесь слишком много пыли. Она

забивает легкие и мешает трезво мыслить.

Он развернулся и пошел к выходу. Я стояла, глядя ему в спину, и чувствовала, как

внутри меня закипает ярость, какой я не знала никогда прежде.

Он знал. Он всё знал. Он был соучастником этого кошмара.

Я дождалась, пока звук его шагов стихнет, и вышла из архива. Ноги были ватными,

но в голове была кристальная ясность.

Я больше не была просто врачом скорой. Я была женщиной, которая нашла своего

врага. И этот враг только что сам подтвердил мою правоту.

Выйдя на улицу, я подставила лицо под ледяной дождь. Снежинки таяли на моих

щеках, смешиваясь со слезами.

У меня не было страниц из журнала. Но у меня было имя. Воронов.

И у меня был план.

Я достала телефон и набрала номер, который не вызывала одиннадцать лет. Номер,

который был выжжен в моей памяти.

— Семен? — сказала я, когда на том конце подняли трубку. — Нам нужно

встретиться. Прямо сейчас. Я знаю, кто это сделал.
Я знала, что теперь пути назад нет. Я объявила войну человеку, который управляет
моей жизнью. Но теперь мне было не страшно. Потому что где-то там, наверху, в
десятой палате, спал мой сын. И я была готова сжечь весь этот город, чтобы
вернуть его домой.

Глава 9

В салоне старого внедорожника Семена пахло кожей, горьким табаком и чем-то забытым — безопасностью. Но сейчас это чувство было иллюзорным. Окна запотели, отсекая нас от внешнего мира, где ноябрьский дождь превращал город в серую кашу.

Семен сидел за рулем, сжимая руки на ободке так, что кожа на костяшках натянулась до белизны. Он больше не был тем жалким пьяницей из хрущевки. Трезвость сделала его черты резкими, почти хищными. Он слушал мой рассказ об архиве и Воронове молча, лишь изредка желваки гуляли на его скулах.

— Вырезал страницу, значит... — голос Семена прозвучал глухо, с той самой опасной хрипотцой, которую я помнила по его самым жестким сделкам. — Сука. Значит, он в доле. Эльвира купила его с потрохами еще тогда.

— Семен, он — главный хирург города. У него связи, влияние, — я прижала ладони к лицу, пытаюсь унять дрожь. — Если он поймет, что я копаю...

— Он уже понял, Сима. Раз спустился к тебе в подвал — значит, он напуган. А напуганная крыса кусает больно.

Я подняла голову и посмотрела на него. В тусклом свете уличного фонаря Семен казался старше, чем вчера. В его взгляде была такая густая смесь вины и ярости, что мне на секунду стало не по себе.

— Мне нужен тест ДНК, — сказала я, и мой голос прозвучал удивительно твердо. — Группа крови — это повод для подозрений. Но в суде мне понадобится бумага. 99,9 процентов. Только тогда я смогу забрать у неё сына.

— Нашего сына, — поправил он, и это «нашего» полоснуло меня по сердцу, как бритва. — Как ты это сделаешь? В бокс никого не пускают.

— Я — врач. Я найду повод.

Я вышла из машины, не оглядываясь. Холодный воздух ударил в лицо, отрезвляя. Я знала, что иду на преступление. По закону я не имела права брать биоматериал у несовершеннолетнего без согласия официальных опекунов. А официальный опекун сейчас — женщина, которая украла мою жизнь.

Больница ночью напоминала огромный, спящий корабль. Тусклые дежурные огни, тихий гул вентиляции и это давящее ощущение, что за каждой дверью скрывается чья-то боль.

Я проскользнула в отделение педиатрии. Валентина Ивановна уже ушла домой, её сменила молоденькая медсестра Катя, которая в это время обычно пила чай в сестринской, надеясь, что ночь пройдет спокойно.

Я надела свежий халат, натянула перчатки. В кармане лежали два стерильных зонда — длинные палочки с ватными наконечниками.

Дверь в десятую палату поддалась с тихим щелчком.

Лев спал. Он лежал на спине, раскинув руки, его дыхание было ровным и глубоким.

В полумраке бокса он казался совсем крошечным. Я подошла к кровати, и на мгновение меня накрыло такое мощное чувство, что я едва не опустилась на колени.

«Это мой сын. Мой мальчик».

Каждая клеточка моего тела кричала об этом. Я вспомнила его привычку перебирать одеяло, его непереносимость лактозы. Всё это было не случайностью. Это был код, который я расшифровала.

— Тише, маленький... — прошептала я, склоняясь над ним.

Мои руки дрожали. Я осторожно, едва касаясь, ввела зонд за щеку Льва. Мальчик что-то пробормотал во сне и наморщил нос. Я замерла, почти не дыша. Секунда, вторая... Готово. Я быстро убрала первый зонд в стерильный контейнер. Теперь второй.

В этот момент за дверью раздался звук, от которого кровь застыла в жилах.

Ритмичный, уверенный стук каблуков по линолеуму. Эльвира.

Она не должна была быть здесь в два часа ночи. По всем правилам приличия и здравого смысла она должна была спать в своей роскошной спальне. Но

Эльвира никогда не подчинялась правилам.

Я лихорадочно запихнула контейнеры в глубокий карман халата. Сердце колотилось в горле, мешая соображать. Скрыться было негде — палата была просматриваемой насквозь.

Дверь распахнулась.

Эльвира вошла, не снимая своего кашемирового пальто. Свет из коридора очертил её

безупречный силуэт. Она замерла, увидев меня у кровати Льва.

— Вы? — её голос был тихим, но в нем вибрировала такая ненависть, что воздух,

казалось, стал колючим. — Вы что здесь делаете, Новикова? Я же ясно сказала:

визиты запрещены.

Я выпрямилась, стараясь придать лицу выражение профессионального безразличия.

— Я дежурный врач по вызову скорой, Эльвира Викторовна. Я обязана мониторить

состояние пациента в первые сутки после критического эпизода. У мальчика

была аритмия на фоне введения препаратов, я проверяла пульс.

Эльвира подошла ближе. Она пахла «Шанелью» и холодным расчетом. Её взгляд, как

скальпель, прошелся по моему лицу, задержался на карманах халата. Я

инстинктивно прижала руку к боку, чувствуя твердые ребра контейнеров.

— Аритмия? — она прищурилась. — Странно. Мой личный врач, доктор Воронов,

сказал, что мальчик стабилен. Вы играете в опасные игры, Серафима. Вы

думаете, что халат дает вам право распоряжаться моей собственностью?

— Лев — не собственность. Он ребенок, — я сделала шаг к двери, пытаясь выйти из

этой клетки. — И я советую вам говорить тише. Вы его разбудите.

Эльвира вдруг преградила мне путь. Она была выше меня на полголовы из-за своих

каблуков, и в этот момент она напоминала хищную птицу, готовую вцепиться в

горло.

— Слушай меня внимательно, — она прошипела это прямо мне в лицо. — Я знаю, что

ты ищешь. Я знаю, что Семен сегодня был у меня. Ты думаешь, вы самые умные? Ты

думаешь, что если ты вытащила его из бутылки, то сможешь вернуть себе место под

солнцем?

Она схватила меня за локоть. Хватка была стальной.

— Ты — никто. Обычная obsлyга в синей робе. Если я увижу тебя здесь еще раз, я

не просто лишу тебя диплома. Я сделаю так, что ты будешь до конца своих дней

утки выносить в доме престарелых. Убирайся отсюда.

Я выдернула руку. Внутри меня всё кипело, но я понимала: сейчас нельзя

сорваться. У меня в кармане была надежда. У меня была его ДНК.

— Спокойной ночи, Эльвира Викторовна, — ответила я, глядя ей прямо в глаза. —

Надеюсь, вы сегодня уснете. Хотя, говорят, совесть мешает спать... если она, конечно, есть.

Я вышла в коридор, чувствуя спиной её ледяной взгляд. Мои ноги были ватными, но я заставила себя идти ровным, уверенным шагом. Только дойдя до туалета в конце отделения, я заперлась в кабинке и обессиленно прислонилась к двери.

Я достала контейнеры. Руки всё еще колотило.

— Получилось... — прошептала я, глядя на прозрачные трубки. — Теперь мы узнаем правду, Лёва. Обещаю.

Я спрятала контейнеры в сумку. Завтра утром, до смены, я отвезу их в независимую лабораторию под чужим именем.

Я вышла на улицу. Машина Семена всё еще стояла на парковке, свет фар был выключен, но я знала, что он там. Он ждал.

Я подошла к окну, постучала. Семен опустил стекло.

— Сделала? — коротко спросил он.

Я просто кивнула и показала сумку.

— Теперь ждем, Семен. Двое суток. Это будут самые долгие двое суток в моей жизни.

Он посмотрел на меня, и на его лице впервые за всё это время появилась тень чего-то похожего на нежность.

— Поезжай домой, Сима. Поспи. Я буду здесь. Если она попытается его забрать — я её не выпущу.

Я села в свою машину. Дождь почти прекратился, небо начало светлеть — наступал рассвет, который должен был принести ответы. Но я знала: правда — это не только спасение. Правда — это начало большой крови. И Эльвира просто так своего «львёнка» не отдаст.

Я нажала на газ, чувствуя, как внутри меня рождается новая Серафима. Больше не жертва. Больше не «бракованная». Мать, которая вышла на тропу войны. И горе тому, кто попытается встать между мной и моим сыном.

Глава10

Рассвет окрасил небо над городом в цвет застиранной больничной простыни. Я сидел в машине, чувствуя, как холод пробирается под куртку, но не спешил заводить мотор. Трезвость была болезненной. Она вычистила из головы благодатный туман, оставив только звенящую пустоту и ледяную, расчетливую злость. Я смотрел на окна педиатрического отделения. Где-то там, за толстым стеклом, спал мальчик, который десять лет называл мамой чужую тетку.. И где-то там была Серафима — женщина, которую я планомерно уничтожал всё это время, не подозревая, что вместе с ней убиваю и себя. В кармане жгли пальцы документы Эльвиры. Её группа крови — первая. Моя — вторая. Те слова медсестры про «четвертую» у Льва не давали мне покоя. Я не был силен в биологии, но бизнес научил меня одному: если цифры не бьются, значит, тебя кидают. Я вышел из машины и направился к служебному входу. Сейчас, в пересменку, здесь было проще всего затеряться. — Слышь, красавица, — я придержал дверь перед молодой медсестрой, которая только что вышла на крыльцо покурить. Она окинула меня подозрительным взглядом. Я знал, как я выгляжу: помятый, небритый, с лихорадочным блеском в глазах. Но старые навыки не пропьешь. Я выдавил из себя ту самую улыбку, которая когда-то помогала мне закрывать миллионные сделки. — Мне бы карту сына посмотреть. Льва Зотова. Жена говорит, там что-то с анализами напутали, — я понизил голос до доверительного шепота и незаметно вытащил из кармана пятитысячную купюру, сложив её в узкий квадратик. — Понимаешь, она у меня паникерша, всю плешь проела. Грозится на больницу в суд подать. Хочу сам глянуть, успокоить дуру, пока она дров не наломала. Девчонка колебалась ровно три секунды. Деньги исчезли в её кармане быстрее, чем

я успел моргнуть.

— Пятая палата? А, Зотов... — она оглянулась на пустой коридор. — Ладно, заходи

в ординаторскую, пока там никого нет. Карты на полке слева. Только быстро. Если

Костин увидит — мне голову оторвут.

Ординаторская пахла кислым кофе и вчерашними бутербродами. Я быстро нашел папку

с фамилией «Зотов Л.С.». Пальцы дрожали, когда я листал страницы. Вот она. Лист

первичного осмотра и анализов.

Строка «Группа крови».

Я замер. Там стояла четкая цифра: «IV (AB)». Но если присмотреться... Бумага в

этом месте была тоньше, как будто её аккуратно поскребли лезвием. И под

жирными чернилами четверки едва заметно угадывался другой след. Синие

тени от римской двойки. «II».

Кто-то сначала вписал Льву вторую группу. Мою группу. Чтобы всё выглядело

идеально. А потом, видимо, когда пришли реальные результаты из

лаборатории, пришлось исправлять «липу», чтобы не накосячить с

переливанием. Врачи — циники, но не самоубийцы. Ошибка в группе крови —

это труп.

Я закрыл папку. Внутри меня всё превратилось в кусок льда. Эльвира подделала

документы еще при рождении. Она знала. Она всё знала с самого начала.

Я вышел из больницы, не чувствуя ног. Ярость больше не была горячей — она стала

холодной и прозрачной, как спирт.

Я знал, где сейчас Эльвира. После «бессонной ночи у кровати сына» она

обязательно поедет в «Гранд-Плазу». Это был её ритуал. Там, в

закрытом вип-зале на тридцатом этаже, она завтракала с теми, кто помогал

ей держать этот город за горло.

Свою машину я оставил за два квартала. К «Плазе» я подошел пешком, стараясь

держаться в тени. Я ждал около часа, пока её белоснежный «Порше» не

затормозил у главного входа.

Эльвира вышла из машины — безупречная, в светлом пальто, ни одной лишней

складки, ни одной выбившейся пряди. Она выглядела как королева, милостиво принимающая поклоны швейцаров. Но спустя пять минут к входу подкатил еще один автомобиль. Черный, тяжелый внедорожник с тонированными стеклами. Из него вышел Воронов. Главврач моей больницы. Человек, которого Серафима обвиняла в подмене. Он поправил очки, огляделся и быстрым шагом вошел в здание. Я проскользнул следом, смешавшись с толпой офисных клерков. Лифт поднял меня на тридцатый. Вип-зал был отделен стеклянными перегородками, завешанными тяжелыми шторами, но одна из них была чуть приоткрыта. Я замер в нише у декоративной колонны. Они сидели в самом углу. Эльвира и Воронов. Перед ними стояли чашки с нетронутым кофе. Эльвира не улыбалась. Её лицо было жестким, почти мужским. — Виктор, ты понимаешь, что она рое? — её голос долетел до меня, холодный и резкий. — Эта Новикова... она вчера была в архиве. Мне доложили. — Она ничего не найдет, Эля, — Воронов вытирал платком вспотевшую лысину. — Страницы изъяты. Журнал чист. — Журнал чист, а кровь — нет! — Эльвира ударила ладонью по столу, и чашки звякнули. — Почему в карте Льва всплыла четвертая группа? Ты же обещал, что все концы в воду! Семен не идиот, он начнет сопоставлять. А если эта дрянь Серафима шепнет ему хоть слово... — Семен — алкаш, — брезгливо бросил Воронов. — Кто ему поверит? Скажем, что у мальчика редкая мутация. Или что лаборатория ошиблась. Мы столько лет это держали, и сейчас удержим. Не забывай, дорогая, в этой лодке мы оба. Если я пойду на дно — ты пойдешь первой. Эльвира подалась вперед, её глаза сверкнули яростью. — Не смей мне угрожать. Ты получил свое. А теперь реши проблему с Новиковой. Уволь её. Лиши лицензии. Сделай так, чтобы она исчезла из этого города. — Я не могу просто так уволить лучшего врача скорой, — пробормотал Воронов. — Это вызовет шум. — Тогда создай шум сам! Подстрой ошибку. Смерть пациента. Что угодно! Мне плевать, Виктор. Лев — мой билет в империю Зотова. И я не позволю

какой-то нищенке его отобрать.

Я стоял за колонной, и мне казалось, что стены вокруг меня рушатся. Каждое их

слово было гвоздем в гроб моей прошлой жизни. Они говорили о Льве как о

товаре. О Серафиме — как о досадном насекомом.

Эльвира родила мертвого ребенка. Моего ребенка. Или не моего? Теперь я уже ни в

чем не был уверен. Но она подменила его живым. Ребенком Серафимы.

Я вспомнил тот день, одиннадцать лет назад. Роддом. Мой пьяный восторг. Цветы,

конверты с деньгами, которые я раздавал врачам. Я платил за ложь. Я сам купил

себе этот ад.

Эльвира поднялась, набрасывая пальто на плечи. — Реши это, Виктор. Быстро. Пока

Семен не протрезвел окончательно.

Я вжался в тень, когда она прошла мимо. Запах её парфюма — «Шанель №5» — теперь

казался мне запахом разложения.

Я дождался, пока они оба уйдут. Вышел из здания на ватных ногах. Город гудел,

жил, смеялся, а я чувствовал себя призраком на пепелище.

У меня не было доказательств для суда. Только подслушанный разговор и

исправленная цифра в медкарте. Воронов — власть. Эльвира — деньги.

Против них я — разорившийся пьяница и Серафима — врач без связей.

Я достал телефон. Мой палец завис над именем «Сима».

Нет. Еще не время. Она должна сделать свой тест ДНК. Это будет наш главный

калибр. А пока... пока я буду делать то, что умею лучше всего. Я буду

разрушать их изнутри.

Я сел в машину. Взгляд упал на зеркало заднего вида. На меня смотрел человек,

которому больше нечего было терять. И этот человек был очень, очень опасен.

— Ну что, Эля... — прошептал я, заводя мотор. — Начнем нашу игру. Посмотрим, кто

из нас лучший строитель. Я строил дома, а ты — ложь. Но ложь всегда рушится

первой.

Я нажал на газ. Впереди была больница. И где-то там была Серафима. Единственный

человек, перед которым мне предстояло искупить вину длиной в целую жизнь. И я

знал, с чего начать.

Я должен был предупредить её. Воронов начал охоту. И в этой охоте мы либо станем

дичью, либо сами станем хищниками.
Я выбрал второе.

Глава 11

Коридор отделения педиатрии в десять утра напоминал растревоженный улей, но для меня весь мир схлопнулся до узкого пространства между постом медсестер и дверью десятой палаты. Я только что вышла из бокса Льва, и мои пальцы всё еще хранили ощущение прохладных пробирок, спрятанных в кармане. Внутри пульсировало

лихорадочное: «Успеть. Довезти. Сдать».

Стук каблучков Эльвиры я узнала бы из тысячи. Он был слишком ритмичным, слишком

уверенным — так чеканит шаг конвоир, ведущий заключенного на расстрел. Она шла

мне навстречу, и яркий свет люминесцентных ламп делал её пальто цвета «кэмел»

почти ослепительным на фоне сероватых больничных стен.

Мы поравнялись у окна. Эльвира не прошла мимо. Она остановилась, вынуждая меня

сделать то же самое.

— Всё никак не утомнишься, Серафима? — Её голос был тихим, обволакивающим, как

ядовитый туман. Она не кричала, но от этого тона у меня поползли мурашки по

позвоночнику. — Я ведь предупреждала тебя ночью. Видимо, пять лет на

«скорой» окончательно отшибли тебе инстинкт самосохранения.

Она пахла «Шанелью» и чем-то неуловимо металлическим. Я смотрела на её

безупречное лицо — ни одной лишней морщинки, ни одной живой эмоции,

кроме ледяного презрения.

— Я на своей работе, Эльвира Викторовна, — ответила я, стараясь, чтобы голос не

дрожал. — В отличие от вас, я здесь спасаю жизни, а не демонстрирую гардероб.

Состояние Льва требует контроля, и я его обеспечиваю.

Эльвира чуть склонила голову набок. Золотая серьга качнулась, отбросив блик на

её бледную щеку.

— Ты обеспечиваешь себе путевку на биржу труда, — она сделала полшага ко мне,

вторгаясь в моё личное пространство. — Думаешь, если Семен на тебя посмотрел,

ты снова что-то значишь? Ты для него — напоминание о его величайшем провале. О

бракованной жизни, которую он едва не профукал с тобой.

Я почувствовала, как внутри закипает холодная ярость. Раньше её слова уничтожили бы меня. Раньше я бы просто опустила голову и ушла плакать в туалет. Но не сегодня. Не тогда, когда в моем кармане лежала надежда на возвращение сына.

— Бракованной, говоришь? — Я усмехнулась, глядя ей прямо в зрачки — ледяные, пустые, как у куклы. — Странно, что ты так боишься этой «бракованной»

женщины, Эля. Зачем столько угроз? Зачем бегать к Воронову? Если ты так уверена в своей власти, почему твои руки дрожат, когда ты поправляешь платок? Я увидела, как её пальцы действительно судорожно сжали край шелкового каре.

Совсем на мгновение. Но этого было достаточно. Она боялась.

— Послушай меня внимательно, нищенка, — прошипела она, и маска благородной дамы окончательно сползла, обнажая нутро хищницы. — Завтра к вечеру тебя здесь не будет. Я лично прослежу, чтобы твоё личное дело было испорчено так, что тебя не возьмут даже санитаркой в морг. Доктор Воронов уже готовит приказ. У тебя есть один шанс: исчезнуть из города сегодня. Самой.

— И оставить тебе моего пациента? — Я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию. —

Не получится. Я никуда не уеду. И знаешь почему? Потому что в этой больнице слишком много тайн, Эля. И некоторые из них начинают вонять, как трупы в закрытом подвале. Группа крови, архивные записи... Тебе эти слова ни о чем не говорят?

Лицо Эльвиры на секунду стало мертвенно-белым. Она открыла рот, чтобы что-то ответить, но в этот момент двери лифта в конце коридора разъехались, и из

них вышел Воронов. Он замер, увидев нас двоих, и его лицо мгновенно приняло выражение официальной озабоченности.

— Эльвира Викторовна? Серафима Владимировна? Что здесь происходит? — Он быстро направился к нам, поправляя очки.

Эльвира мгновенно преобразилась. Плечи опустились, в глазах появилась фальшивая влага.

— Виктор Сергеевич, я просто пыталась объяснить доктору Новиковой, что её

навязчивое внимание к моему сыну переходит все границы. Она пугает

ребенка своими расспросами.

Воронов посмотрел на меня. В его взгляде не было ничего, кроме холодного

приговора.

— Новикова, зайдите ко мне в кабинет через десять минут. И снимите халат. На

сегодня ваша смена закончена. И, боюсь, не только на сегодня.

Я посмотрела на них двоих. Они стояли рядом — деньги и власть, спаянные общей

ложью. В этот момент я почувствовала себя удивительно спокойной. У меня

больше не было работы. У меня не было будущего в этой больнице. Но у меня

было кое-что поважнее.

— Конечно, Виктор Сергеевич, — ответила я, расстегивая верхнюю пуговицу халата.

— Я зайду. Но перед этим мне нужно заскочить в лабораторию. Забрать кое-какие

результаты... для личного архива.

Я увидела, как Воронов и Эльвира переглянулись. В этом взгляде был страх.

Настоящий, первобытный страх людей, которые привыкли, что правда всегда

надежно спрятана под слоями денег.

Я развернулась и пошла прочь по коридору. Спина горела под их взглядами, но я не

ускорила шаг. Мои каблуки стучали по линолеуму: да-да, нет-нет, да-да.

Я не пошла в кабинет к Воронову. Я знала, что там меня ждет только унижение и

приказ об увольнении. Вместо этого я почти бегом спустилась на парковку,

прыгнула в свою старую «мазду» и рванула с места, обдавая грязной водой

чей-то припаркованный внедорожник.

Мне нужно было в лабораторию на другом конце города. Тайную, независимую, где за

большие деньги не задают лишних вопросов и не звонят главврачам.

Руки на руле дрожали, но я сжимала их так сильно, что кожа натянулась на

костяшках.

«Держись, Лёвушка, — думала я, пролетая на желтый свет. — Мама идет за тобой. На

этот раз по-настоящему».

Эльвира могла лишить меня работы. Могла лишить меня диплома. Но она не знала,

что женщина, у которой отобрали ребенка, — это самый опасный враг на свете.

Потому что ей больше нечего терять. И сегодня я официально вышла на тропу войны, где пленных не берут. Я припарковалась у неприметного офисного здания. Вытащила пробирки из кармана. Моя ладонь согрела холодный пластик. — Посмотрим, чья кровь в тебе течет на самом деле, маленький лев, — прошептала я, открывая дверь лаборатории. На часах было одиннадцать утра. Моя новая жизнь началась именно в эту секунду. Жизнь, в которой больше не было места страху. Только правде, какой бы страшной она ни оказалась для всех нас.

Глава12

Дверь независимой лаборатории «Генезис» закрылась за моей спиной с негромким, но отчетливым шипением пневматического доводчика. Этот звук показался мне финальной точкой в моей прошлой жизни.

На улице было непривычно тихо. Мокрый снег лениво оседал на капоты припаркованных машин, превращая город в подобие старой черно-белой фотографии. Я дошла до своей «мазды», села за руль, но не стала заводить мотор.

На пассажирском сиденье лежал обычный белый конверт формата А4. Без логотипов, без громких надписей. Только номер заказа и моя фамилия, вписанная от руки скучающим администратором.

Мои пальцы, привыкшие держать шприцы и катетеры в самых экстремальных условиях, сейчас отказывались слушаться. Они дрожали так сильно, что я спрятала их в рукава пальто.

Десять минут я просто смотрела на этот конверт. В нем была правда, за которую я заплатила одиннадцатью годами своего ада. В нем было оправдание моей «бракованности» и ответ на вопрос, почему я всё э

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.